

ПОСЛЕДНЯЯ ВОИНА

Сергей Дегтярев

Сергей Дегтярев

Последняя война

«Автор»

2026

Дегтярев С.

Последняя война / С. Дегтярев — «Автор», 2026

Что, если все теории войны ошибались? Экономисты говорят: война — борьба за ресурсы. Политологи: продолжение политики. Психологи: агрессия. Антропологи: ритуал. Каждая школа права — и каждая неполна. Ни одна не отвечает на главный вопрос: что делает войну возможной? Эта книга даёт ответ, которого нет ни в одной библиотеке. Война возможна только там, где есть избыток — не «лишнее», не «прибавочный продукт», а то, что может быть отнято без убийства, но что есть причина процветания. Автор разворачивает шесть эпох войны как шесть форм избытка. Куликово поле, Бородино, битва под Москвой, Карибский кризис, беспилотники — всё встаёт на свои места. Вы узнаете: Почему фаланга была непобедима — и что её сломало. Почему рыцарь перестал решать исход войн после Невы. Почему блицкриг остановился под Москвой. Почему беспилотник — последнее оружие в истории. Что нужно, чтобы война стала невозможной. Это теория, которая либо принимается целиком, либо опровергается по существу. Третьего не дано.

© Дегтярев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Введение	6
Часть	8
Глава 1. Война как социальный феномен: обзор современных подходов	9
1.1. Война в социологии: конфликт за ресурсы, статус, власть	9
1.2. Война в политологии: продолжение политики иными средствами (Клаузевиц и его наследники)	10
1.3. Война в экономической теории: борьба за рынки, ресурсы, рабочую силу	12
1.4. Война в психологии: агрессия, страх, групповая динамика	13
1.5. Война в антропологии: ритуал, инициация, межгрупповая конкуренция	15
1.6. Общее во всех подходах: война описывается через внешние проявления, но не через сущность	17
Глава 2. Теории причин войны: от Гоббса до современности	19
2.1. Естественное состояние и «война всех против всех» (Гоббс)	19
2.2. Классовая борьба и империализм (Маркс, Ленин)	20
2.3. Геополитика и борьба за жизненное пространство (Ратцель, Хаусхофер)	21
2.4. Теория демократического мира (Кант, современные либеральные теории)	23
2.5. Цивилизационные конфликты (Хантингтон)	25
2.6. Критика: все теории указывают на разные причины, но не сводят их к единому основанию	26
Глава 3. Необходимость гуманитарного подхода к войне	28
3.1. Война как субъективное явление	28
3.2. Гуманитарный метод: цель наблюдения войны — осознать ее генезис	29
Часть	31
Глава 4. Исходное состояние: достаток без избытка	32
4.1. Тотальный достаток: ровно столько, сколько нужно для бытия	32
4.2. Отсутствие избытка как отсутствие причины войны	32
4.3. Неразличенность «Мы» и среды. Другой не наблюдается как враг	33
4.4. Война не осознается как явление	34
4.5. Теорема: Избытка необходимо и достаточно для войны	35
4.6. Избыток и процветание культурного субъекта	38
4.7. Предшественники: приближения к избытку как причине войны	38
Глава 5. Избыток как предмет и средство войны	41
5.1. Триединство избытка: причина, предмет, средство	41
5.2. Буханка хлеба как универсальная модель	42

Конец ознакомительного фрагмента.

43

Сергей Дегтярев

Последняя война

Введение

Большинство работ о войне отвечают на вопрос «почему воюют?» — и находят ответ в экономике, политике, психологии, географии или культуре. Эта книга ставит иной вопрос: что есть война как таковая? И отвечает на него через понятие, которое в существующей литературе почти не встречается в качестве самостоятельного объяснительного принципа, — через избыток.

Избыток здесь — не «излишек» и не «прибавочный продукт». Это строго определённое отношение: то, что может быть отнято без прекращения бытия обладателя, но что является причиной его процветания. Из этого определения выводится теорема: избыток необходим и достаточен для войны. Не «способствует», не «является одним из факторов» — а полностью исчерпывает её основание. Война возникает из избытка, ведётся за избыток, нападающий ведёт её избытком, обороняющийся защищается избытком.

Что читатель, скорее всего, впервые встретит эту теорему.

Ни в конфликтологии, ни в политологии, ни в экономических теориях войны нет работы, где избыток был бы не одним из условий, а **единственным** основанием, из которого война выводится дедуктивно, с доказательством необходимости и достаточности. Это не синтез существующих подходов, а их замена.

Нигде война не рассматривалась как последовательность шести эпох как шести форм избытка.

Точка, сеть, поток, производство, сокрытие, тотальная доступность — это не историческая периодизация по оружию или технологиям. Это логика развёртывания самого избытка: каждая форма возникает как ответ на уязвимость предыдущей. Такая рамка позволяет объяснить, почему война меняется не «под влиянием технологий», а по внутренней необходимости.

Бытующее преставлении о войне как борьбе меча и щита, опровергается законом щита и подвига: «Эпоха оружия заканчивается, когда найден щит и за ним совершен подвиг». Щит — не предмет защиты, а метод, лишаящий избыток врага решающего качества. Подвиг — не героический поступок, а явленное действие, доказывающее, что этот щит действителен. Эта связка позволяет переинтерпретировать известные сражения (Куликовская битва, Невская битва, Бородино, битва под Москвой, Карибский кризис) как моменты смены эпох — не по масштабу, а по логической функции.

Автор утверждает, что науки о войне описывают её внешние проявления, но не схватывают сущность, потому что исключают субъективность. Война — не только объективный процесс, но и состояние сознания. Вопрос «что я сделал, что теперь воюю?» не может быть задан объективирующим методом. Это не призыв к отказу от науки, а указание на её принципиальную ограниченность.

Беспилотник рассматривается как предел эволюции войны. Не как очередное «новое оружие», а как форма, вобравшая все предыдущие и исчерпавшая пространство развития. Тотальная доступность не имеет внешнего, а значит, следующая форма избытка невозможна. Война достигает предела — и это ставит вопрос не о победе, а о выживании субъекта.

Это может быть интересно тем, кто устал от перечисления «причин войны» и ищет единое основание. Тем, кто подозревает, что политология, социология и экономика войны не схватывают главного. Тем, кто готов принять строгое определение и следовать за дедукцией, а не

за метафорой. Тем, кто хочет увидеть знакомые исторические события в незнакомой, но логической рамке.

Чего в книге нет

— Пересказа существующих теорий ради пересказа.

— Эмпирических данных ради данных.

— Моральных оценок войны.

— Рецептов «как предотвратить войну» в жанре публицистики.

Есть теория, которая либо принимается целиком, либо отвергается по существу.

Часть

I . Кризис науки о войне

Глава 1. Война как социальный феномен: обзор современных подходов

1.1. Война в социологии: конфликт за ресурсы, статус, власть

Социологическая традиция рассматривает войну как одну из форм социального конфликта, подчиняющуюся тем же закономерностям, что и конфликты внутри общества — только перенесенную на уровень межгруппового, межгосударственного или межкультурного взаимодействия. В этом подходе война лишается мистического ореола и становится объектом рационального анализа, сопоставимого с анализом конкуренции, борьбы за статус или политического противостояния.

Истоки социологического понимания войны восходят к классикам, заложившим основы конфликтологической парадигмы. Томас Гоббс еще в XVII веке определил естественное состояние человечества как «войну всех против всех», где конфликт возникает из-за соперничества, недоверия и жажды славы — то есть из-за ресурсов, безопасности и статуса [1]. Хотя Гоббс говорил о догосударственном состоянии, его триада причин конфликта оказалась удивительно устойчивой и воспроизводится в социологических теориях по сей день.

Макс Вебер, определяя государство через монополию на легитимное насилие, тем самым поместил организованное насилие в центр социального порядка [2]. Из этого следует, что война между государствами есть столкновение двух монополий на насилие, каждая из которых стремится либо защитить свою монополию, либо распространить ее на новую территорию или население. Война, по Веберу, — это предельная форма конкуренции за монополию власти.

Карл Маркс и его последователи сместили фокус с власти как таковой на экономические основания конфликта. В марксистской традиции война рассматривается как высшая форма классовой борьбы, перенесенная на международную арену, либо как инструмент господствующего класса для перераспределения ресурсов и подавления внутренних противоречий через внешнюю экспансию [3]. Империалистические войны рубежа XIX–XX веков интерпретировались марксистами как прямое следствие борьбы капиталистических монополий за рынки сбыта, источники сырья и сферы приложения капитала — то есть за экономические ресурсы.

В середине XX века социология войны оформилась как самостоятельное направление, в значительной степени под влиянием двух мировых войн и необходимости понять их причины. Здесь можно выделить несколько ключевых концепций.

Ресурсная концепция, наиболее прямо наследующая марксистской и геополитической традициям, утверждает, что войны возникают прежде всего из-за борьбы за ограниченные ресурсы — территорию, полезные ископаемые, водные источники, энергоносители. Эта концепция получила мощный импульс во второй половине XX века в связи с энергетическими кризисами и ростом населения планеты. Исследователи, работающие в этой парадигме, склонны видеть за каждым крупным конфликтом борьбу за контроль над стратегическими ресурсами [4].

Статусная концепция, развивающаяся в рамках теории международных отношений и политической социологии, акцентирует внимание на том, что государства и иные политические образования воюют не только и не столько за материальные блага, сколько за положение в иерархии — за престиж, признание, влияние. Война здесь выступает как способ утвердить или изменить статус, доказать свое право на место среди великих держав. Эта традиция восходит к работам Раймона Арона, который подчеркивал, что международные отношения суть отношения между политическими единицами, стремящимися к признанию и влиянию [5].

Властная концепция фокусируется на войне как на продолжении борьбы за политическое господство. Война рассматривается как инструмент, с помощью которого одна группа навязывает свою волю другой, либо как средство удержания власти внутри страны через внешнюю мобилизацию. Эта линия анализа восходит к веберовскому определению власти как способности навязывать свою волю вопреки сопротивлению [2] и к клаузевицевскому пониманию войны как акта насилия, имеющего целью заставить противника выполнить нашу волю [6].

Во второй половине XX века предпринимались попытки создать синтетические модели, объединяющие ресурсный, статусный и властный аспекты. Одна из наиболее влиятельных — теория конфликта Льюиса Козера, который, развивая идеи Георга Зиммеля, показал, что социальный конфликт выполняет не только разрушительные, но и интегративные функции для группы: он укрепляет внутреннюю солидарность, проясняет границы, способствует возникновению новых норм и институтов [7]. В этом свете война предстает не просто патологией, а функциональным элементом социальной динамики.

Современная социология войны, представленная работами Чарльза Тилли, Теды Скочпол и их последователей, рассматривает войну как один из важнейших факторов формирования государства и социальных институтов [8]. В известной формуле Тилли «война создала государство, а государство — войну» отражена глубокая взаимосвязь между организованным насилием и политической организацией. В этой перспективе война — не отклонение от нормы, а один из механизмов, через которые общества структурируются и трансформируются.

При всем многообразии подходов социологический анализ войны демонстрирует одну общую черту: он последовательно описывает войну через ее внешние проявления. Ресурсы, статус, власть — это то, за что воюют, и то, с помощью чего воюют. Социология отвечает на вопросы «за что?» и «какими средствами?», но не ставит вопроса о том, что делает возможным сам этот тип конфликта. Она принимает войну как данность социальной реальности и исследует ее формы, функции и последствия, не проникая в ее сущность как явления, порожденного определенным состоянием социального бытия.

1.2. Война в политологии: продолжение политики иными средствами (Клаузевиц и его наследники)

Политологическая традиция изучения войны отталкивается от фундаментального тезиса, сформулированного прусским военным теоретиком Карлом фон Клаузевицем в его незавершенном труде «О войне»: война есть продолжение политики иными средствами [9]. Эта формула, при кажущейся простоте, произвела переворот в понимании войны, отделив ее от чисто военного анализа и поместив в контекст политических целей и государственных интересов.

Клаузевиц исходил из того, что война не является самостоятельным феноменом с собственной логикой. Она — инструмент, который государство применяет для достижения политических целей, когда другие средства оказываются недостаточными или неэффективными. Политическая цель определяет масштаб, интенсивность и продолжительность военных действий. Война без политической цели — бессмыслица, чистое насилие, которое Клаузевиц называл «абсолютной войной», но тут же отмечал, что в реальности такая война никогда не встречается, поскольку всегда ограничена политическими рамками [9].

Клаузевиц ввел в анализ войны понятие троичности, которая описывает ее природу. Первый элемент — насилие, ненависть и враждебность, которые коренятся в народе и придают войне эмоциональную энергию. Второй элемент — игра случая и вероятности, которая делает войну областью полководческого искусства, свободы воли и принятия решений в условиях неопределенности. Третий элемент — подчиненность политике, которая связывает войну с разумом

и государственным интересом [9]. Эта троица остается одной из наиболее влиятельных аналитических схем в изучении войны до настоящего времени.

Развитие политологической мысли о войне в XX веке шло по нескольким направлениям, каждое из которых по-своему интерпретировало и дополняло клаузевицевское наследие.

Реалистическая школа в теории международных отношений, представленная такими мыслителями как Ганс Моргентау и Рейнхольд Нибур, восприняла клаузевицевский тезис о политической природе войны и поместила его в контекст борьбы государств за власть и выживание в анархической международной среде [10]. С точки зрения политического реализма, война есть нормальное, хотя и крайнее, средство обеспечения национальных интересов. Государства прибегают к войне тогда, когда дипломатические, экономические и иные средства не позволяют достичь необходимого уровня безопасности или влияния. Моргентау подчеркивал, что стремление к власти является универсальным мотивом политического поведения, а война — одним из инструментов в этой борьбе [10].

Неореалистическая школа, связанная прежде всего с именем Кеннета Уолтца, перенесла акцент с человеческой природы и внутренних характеристик государств на структуру международной системы [11]. В этой перспективе войны происходят не столько из-за агрессивности тех или иных режимов, сколько из-за анархического характера международных отношений, при котором каждое государство вынуждено самостоятельно заботиться о своей безопасности. Отсутствие верховной власти над государствами порождает дилемму безопасности: меры, принимаемые одним государством для усиления своей безопасности, воспринимаются другими как угроза и вызывают ответные меры, что может вести к эскалации и войне [11].

Либеральная традиция, напротив, делает акцент на возможности преодоления войны через развитие международных институтов, демократических режимов и экономической взаимозависимости. Иммануил Кант в трактате «К вечному миру» еще в конце XVIII века сформулировал условия, при которых война может быть устранена из международных отношений: республиканское устройство государств, федерация свободных государств и право всемирного гражданства [12]. Эти идеи легли в основу современной теории демократического мира, которая утверждает, что демократические государства не воюют друг с другом [13]. Майкл Дойл и другие исследователи собрали обширный эмпирический материал, показывающий, что либеральные демократии, хотя и участвуют в войнах против недемократических режимов, крайне редко вступают в вооруженные конфликты между собой. Объяснение этому ищут в институциональных ограничениях (подотчетность правительств избирателям), нормативных факторах (общность ценностей) и экономической интеграции [13].

Марксистская политологическая традиция, продолжающая линию Маркса и Ленина, рассматривает войну как продолжение классовой политики, а не политики национального государства [14]. В этой перспективе войны между государствами суть проявления более глубокого конфликта между классами и способ перераспределения прибавочной стоимости в пользу господствующих классов. Империалистические войны, с этой точки зрения, — неизбежное следствие капиталистической системы, которая требует внешней экспансии для поддержания нормы прибыли и подавления внутренних противоречий [14]. Теория зависимости и мир-системный анализ Иммануила Валлерстайна развили эти идеи, показав, как войны встроены в логику функционирования капиталистической мироэкономики, разделенной на ядро, периферию и полупериферию [15].

Во второй половине XX века в политологии войны возникли также направления, фокусирующиеся на процессе принятия решений и психологических факторах. Грэм Аллисон в своем анализе Карибского кризиса показал, что решения о войне и мире принимаются не абстрактными государствами, а конкретными людьми и организациями, действующими в условиях ограниченной информации, бюрократической конкуренции и когнитивных искажений

[16]. Этот подход дополнил макроуровневые теории анализом микроуровневых механизмов, ведущих к войне.

Современные исследования в области политологии войны все чаще обращаются к количественным методам и базам данных, стремясь выявить статистические закономерности возникновения, протекания и завершения вооруженных конфликтов. Проект «Корреляты войны», основанный Дэвидом Сингером, и последующие базы данных позволили проверять гипотезы о связи войны с экономическим ростом, типом режима, географическим положением, наличием природных ресурсов и другими факторами [17]. Однако, несмотря на накопленный массив эмпирических данных, консенсуса по вопросу о причинах войн в политологии не достигнуто. Каждая из школ предлагает объяснения, работающие для одних случаев и неприменимые к другим.

Клаузевицское наследие, при всей его значимости, задавало рамку, из которой политология не может выйти: война всегда рассматривается как нечто производное от политики, от интересов, от структуры или от режима. При этом сама политика, интересы и структуры остаются непроясненными в своем генезисе. Что порождает сами эти интересы, почему они вступают в непримиримый конфликт — эти вопросы остаются за пределами политологического анализа войны.

1.3. Война в экономической теории: борьба за рынки, ресурсы, рабочую силу

Экономическая теория рассматривает войну через призму борьбы за ограниченные блага, которые необходимы для производства и потребления. В отличие от социологии, фокусирующейся на групповых взаимодействиях, и политологии, акцентирующей властные отношения, экономический анализ исходит из того, что в основе войн лежат материальные интересы — доступ к рынкам сбыта, контроль над природными ресурсами и обеспечение предложения рабочей силы.

Истоки экономического понимания войны прослеживаются в эпохе меркантилизма XVI–XVIII веков, когда европейские государства рассматривали войну как легитимный инструмент увеличения национального богатства. Меркантилисты исходили из представления об ограниченности мирового богатства, в силу чего обогащение одной страны возможно лишь за счет обеднения другой [18]. В этой логике война была не отклонением от экономической политики, а ее прямым продолжением: захват колоний давал доступ к сырью и рынкам, уничтожение вражеского флота расчищало торговые пути, а контрибуции и репарации перераспределяли накопленное богатство от побежденного к победителю [18].

Классическая политическая экономия подвергла меркантилистские представления критике. Адам Смит в «Исследовании о природе и причинах богатства народов» доказывал, что богатство создается не войной, а мирным трудом и обменом, и что свободная торговля выгоднее завоеваний [19]. Однако и Смит признавал, что государства вынуждены содержать армии и вести войны для защиты торговых путей и колоний, то есть экономические интересы требуют военных расходов. Давид Рикардо развил теорию сравнительных преимуществ, показывающую выгоды международной торговли для всех участников, что создавало теоретическую основу для представления о мире как об экономически более рациональном состоянии, нежели война [20].

Марксистская экономическая теория, напротив, вернула войне статус закономерного порождения экономической системы. Карл Маркс рассматривал насилие как «повивальную бабку» истории, ускоряющую смену общественно-экономических формаций, но не создающую новых производственных отношений самостоятельно [21]. Владимир Ленин в работе «Империализм как высшая стадия капитализма» пошел дальше, сформулировав тезис о том, что

войны между капиталистическими державами суть неизбежное следствие борьбы монополий за передел уже поделенного мира [22]. В ленинской схеме вывоз капитала, борьба за концессии и сферы влияния, стремление к монопольному обладанию источниками сырья — все это с необходимостью порождает империалистические войны, которые не могут быть устранены без устранения самого капитализма.

Неоклассическая экономическая теория XX века в значительной степени отошла от анализа войны как макроэкономического феномена, сосредоточившись на проблемах эффективного распределения ресурсов в условиях мирного времени. Однако отдельные направления продолжали исследовать экономические аспекты вооруженных конфликтов. Теория общественного выбора, в частности, анализирует решения о войне через призму рационального поведения политических акторов, взвешивающих издержки и выгоды военных действий для себя и своих групп поддержки [23].

В конце XX — начале XXI века экономический анализ войны пережил возрождение в связи с ростом внимания к проблемам ресурсной безопасности. Исследователи, работающие в этой парадигме, фокусируются на связи между вооруженными конфликтами и борьбой за контроль над стратегическими ресурсами — нефтью, газом, водными источниками, редкоземельными металлами [24]. Майкл Клар в ряде работ показал, как изменение географии ресурсной обеспеченности и рост потребления со стороны новых индустриальных стран создают предпосылки для международных конфликтов [24].

Отдельное направление составляют исследования экономики гражданских войн. Пол Коллиер и Анке Хоффлер, анализируя статистические данные о гражданских конфликтах, пришли к выводу, что экономические мотивы — бедность, зависимость от экспорта природных ресурсов, наличие избыточного мужского населения без перспектив занятости — являются более сильными предикторами гражданской войны, чем политические или этнические факторы [25]. В этой логике гражданская война предстает как форма экономического предпринимательства, при которой вооруженные группы извлекают выгоду из контроля над ресурсами, грабежа и незаконной торговли.

Теория рентоориентированного поведения, разработанная Гордоном Таллоком и его последователями, также внесла вклад в экономический анализ войны, показав, что борьба за перераспределение существующего богатства может быть более привлекательной для рациональных акторов, чем создание нового, если институциональные барьеры для насильственного захвата ренты низки [26]. Война в этой перспективе — это предельный случай рентоориентированного поведения, при котором издержки насилия принимаются как приемлемая плата за захват чужого богатства.

При всем разнообразии экономических теорий войны их объединяет общая предпосылка: война суть столкновение по поводу ограниченных материальных благ. Экономическая теория отвечает на вопрос «за что воюют?» и отчасти «почему это выгодно?», но оставляет без ответа более фундаментальный вопрос: что делает возможным само существование войны.

1.4. Война в психологии: агрессия, страх, групповая динамика

Психологический подход к войне переносит фокус с макросоциальных структур на внутренний мир человека — его побуждения, эмоции, когнитивные процессы и межличностные механизмы. В этой перспективе война рассматривается как проявление глубинных психических сил, которые при определенных условиях выходят из-под контроля и направляются на разрушение других людей и групп.

Одной из наиболее ранних и влиятельных психологических концепций войны является теория агрессии. Зигмунд Фрейд, основоположник психоанализа, в поздних работах развил представление о Танатосе — врожденном влечении к смерти и разрушению, которое в нор-

мальных условиях подавляется или сублимируется, но в ситуации войны находит прямой выход [27]. В переписке с Альбертом Эйнштейном, опубликованной под названием «Почему война?», Фрейд утверждал, что войны неизбежны, пока существует само человечество с его врожденной деструктивностью, и что единственная надежда состоит в развитии культуры, способной поставить агрессивные импульсы под контроль Эроса — влечения к жизни и созиданию [28].

Конрад Лоренц, этолог и нобелевский лауреат, предложил иную трактовку агрессии, рассматривая ее как эволюционно выработанный инстинкт, служащий сохранению вида. В работе «Так называемое зло» Лоренц доказывал, что внутривидовая агрессия выполняет важные биологические функции: она обеспечивает равномерное распределение особей по территории, способствует отбору сильнейших производителей и формирует иерархические структуры, снижающие внутригрупповые конфликты [29]. Человек, по Лоренцу, оказался в трагической ситуации: его агрессивный инстинкт, сформированный в ходе эволюции для решения задач выживания, перестал сдерживаться естественными механизмами торможения, которые у хищников предотвращают убийство сородичей. Отсутствие у человека врожденных запретов на убийство себе подобных, соединенное с развитием орудий убийства, сделало войну возможной [29].

Джон Доллард и его коллеги по Йельскому университету в конце 1930-х годов сформулировали теорию фрустрации-агрессии, согласно которой агрессивное поведение всегда является следствием фрустрации, то есть блокирования целенаправленного поведения [30]. Война в этой логике — результат массовой фрустрации, вызванной экономическими лишениями, политическим бесправием или угрозой идентичности. Агрессия, не имеющая возможности быть направленной на подлинный источник фрустрации, может смещаться на замещающие объекты — этнические меньшинства, соседние народы или государства, которые воспринимаются как угроза [30].

Теория социального научения Альберта Бандуры сместила акцент с врожденных инстинктов на приобретенные формы поведения. Согласно Бандуре, агрессия, как и другие формы поведения, усваивается через наблюдение и подражание моделям — родителям, сверстникам, медийным персонажам [31]. Война в этой перспективе не является биологической неизбежностью; она есть результат научения в культуре, которая поощряет или терпит агрессивные способы разрешения конфликтов. Если агрессии можно научиться, то можно и переучиться — через изменение социальных норм и моделей поведения [31].

Другое важное направление психологического изучения войны связано с феноменом межгрупповой враждебности. Анри Тэшфел и его последователи в рамках теории социальной идентичности экспериментально показали, что простое разделение людей на группы по произвольному признаку порождает предпочтение своей группы и дискриминацию чужой [32]. Этот эффект, названный минимальной групповой парадигмой, продемонстрировал, что для возникновения межгрупповой враждебности не требуются ни реальный конфликт интересов, ни историческая неприязнь — достаточно самого факта принадлежности к разным группам. Война, с этой точки зрения, представляет собой экстремальное проявление межгрупповой дифференциации, при котором аутгруппа дегуманизируется и превращается в легитимный объект уничтожения [32].

Эксперименты Стэнли Милгрэма, проведенные в начале 1960-х годов, выявили еще один психологический механизм, имеющий прямое отношение к пониманию войны: подчинение авторитету. Милгрэм показал, что обычные люди, не обладающие патологической агрессивностью, способны причинять страдания другим, если получают соответствующие приказы от легитимного авторитета [33]. Этот эксперимент предложил одно из возможных объяснений того, как массовое насилие становится возможным: не через врожденную жестокость исполнителей, а через механизм делегирования моральной ответственности вышестоящей инстанции.

Филип Зимбардо в знаменитом Стэнфордском тюремном эксперименте продемонстрировал, что деиндивидуализация и принятие социальных ролей способны превратить обычных людей в жестоких надзирателей [34]. Война создает предельные условия для деиндивидуализации: униформа, иерархия, анонимность боевых действий, восприятие врага как безликой массы — все это снижает личную ответственность и облегчает проявление насилия.

Современная психология войны включает также исследования посттравматического стрессового расстройства, механизмов пропаганды и формирования образа врага, психологии принятия решений в условиях стресса и неопределенности. Дэниел Канеман и Амос Тверски в рамках теории перспектив показали, что люди склонны к систематическим ошибкам в оценке рисков и вероятностей, что может влиять на решения о начале и ведении войны [35]. Политические лидеры, как и обычные люди, подвержены когнитивным искажениям: переоценке собственных шансов на успех, недооценке рисков, эскалации приверженности неудачному курсу действий.

Психологический анализ войны, при всей его глубине и эмпирической обоснованности, фокусируется на индивидуальных и групповых механизмах, которые делают войну возможной или вероятной. Он объясняет, как люди оказываются способными убивать друг друга, какие внутренние процессы этому способствуют и какие внешние условия их запускают. Однако психология оставляет открытым вопрос о том, что именно запускает эти механизмы в масштабе целых обществ — что превращает латентную агрессивность, групповую идентичность и склонность к подчинению в организованное массовое насилие, направленное на определенного врага в определенный исторический момент.

1.5. Война в антропологии: ритуал, инициация, межгрупповая конкуренция

Антропологический подход к войне отличается от всех предыдущих тем, что он рассматривает войну не как патологию или отклонение от нормы, а как глубоко укорененный культурный феномен, существующий в тех или иных формах практически во всех известных человеческих обществах. Антропология изучает войну не через призму государства, экономики или индивидуальной психики, а через ее место в системе верований, обрядов, социальных структур и идентичностей традиционных и архаических обществ.

Одним из первых антропологов, систематически исследовавших войну в доиндустриальных обществах, был Бронислав Малиновский. В работах, написанных в период Второй мировой войны, Малиновский доказывал, что война представляет собой не биологический инстинкт, а культурное изобретение, возникающее на определенной стадии социального развития [36]. По его мнению, первобытные общества не знали войны в современном смысле — организованного массового насилия с целью завоевания и подчинения. Их вооруженные столкновения носили характер ритуализированных стычек, ограниченных по масштабу, длительности и числу жертв, и были подчинены строгим правилам [36].

Альфред Рэдклифф-Браун, основоположник структурного функционализма в антропологии, рассматривал войну через ее социальные функции. В его анализе межгрупповая вражда и вооруженные столкновения способствуют укреплению внутренней солидарности группы, поддержанию социальной структуры и иерархии, а также регулированию отношений между соседними общинами [37]. Война в этой перспективе — не просто разрушение, а элемент социального порядка, выполняющий определенные функции в системе межгрупповых отношений.

Эдвард Эванс-Притчард в классическом исследовании народа нуэр в Судане описал механизм кровной мести как центральный институт, регулирующий конфликты в безгосударственном обществе [38]. У нуэр кровная месть не была хаотическим насилием — она подчинялась сложной системе правил, определявших, кто, кому, при каких обстоятельствах и в

каком объеме должен отомстить. Месть выполняла функцию сдерживания: страх перед ответным ударом удерживал от агрессии, а сами вооруженные столкновения между кланами были формой переговоров, ведущихся насильственными средствами [38].

Особое место в антропологии войны занимают исследования ритуальных аспектов вооруженных конфликтов. Многие архаические общества практиковали формы боя, которые современному наблюдателю показались бы скорее церемонией, чем войной. У папуасов Новой Гвинеи, описанных Маргарет Мид и другими антропологами, межплеменные столкновения часто велись до первой крови и прекращались после ранения или гибели одного-двух воинов [39]. Такие битвы были не столько средством уничтожения врага, сколько способом демонстрации силы, разрешения споров и подтверждения статуса.

Инициация — посвящение юношей в статус взрослых воинов — представляет собой еще один ключевой аспект антропологического понимания войны. Во многих традиционных обществах воинская инициация включала не только обучение боевым навыкам, но и ритуальное преобразование личности: юноша символически умирал и рождался заново как воин, получая новое имя, новые права и новые обязанности [40]. Война здесь — не просто столкновение с внешним врагом, но и внутренний процесс трансформации личности и воспроизводства социальной структуры.

Клод Леви-Стросс, анализируя мифы и ритуалы южноамериканских индейцев, показал, что война и торговля в архаических обществах часто рассматривались как две стороны одного процесса обмена — обмена насилием, женщинами, дарами и символами [41]. Война была вписана в более широкую систему реципрокности, в которой группы обменивались не только благами, но и враждебностью, и этот обмен подчинялся той же логике взаимности, что и обмен дарами, описанный Марселем Моссом [42].

Вопрос о происхождении войны в человеческой истории остается предметом острых дискуссий в антропологии. Одна группа исследователей, опирающаяся на археологические данные и этнографические параллели, утверждает, что война возникла лишь с переходом к производящему хозяйству и появлением избыточного продукта, который можно было отнять [43]. Другая группа, основываясь на наблюдениях за поведением приматов и находках поврежденных человеческих останков эпохи палеолита, доказывает, что организованное межгрупповое насилие существовало задолго до неолитической революции и является частью эволюционного наследия человека [44]. Джейн Гудолл, изучавшая шимпанзе в национальном парке Гомбе, документально зафиксировала так называемые «войны» между группами шимпанзе — скоординированные рейды, в ходе которых самцы одной группы систематически убивали членов другой группы, что заставило пересмотреть представления об исключительно человеческой природе войны [45].

Наполеон Шаньон в получившем широкую известность исследовании индейцев яномамо в Амазонии описал общество, в котором война и насилие были центральными элементами социальной жизни [46]. Шаньон утверждал, что у яномамо военные набеги были мотивированы не столько борьбой за материальные ресурсы, сколько конкуренцией за женщин и стремлением к поддержанию чести и статуса. Мужчины, имевшие репутацию успешных воинов и убившие больше врагов, обладали более высоким статусом и большим числом жен и потомков [46]. Это наблюдение породило длительную дискуссию о соотношении биологических и культурных факторов в генезисе войны.

Материалистическое направление в антропологии войны, представленное работами Марвина Харриса и его последователей, настаивает на том, что за внешне иррациональными формами военного поведения — ритуалами, табу, религиозными войнами — скрываются вполне рациональные адаптивные стратегии, направленные на регулирование доступа к ресурсам и контроль над численностью населения [47]. В этой перспективе даже самые экзотические

формы военных ритуалов получают объяснение через их экологическую и демографическую функцию.

Антропология, таким образом, представила войну как сложный культурный феномен, не сводимый ни к биологическому инстинкту, ни к рациональному политическому расчету. Она показала, что война в традиционных обществах была встроена в систему смыслов, ритуалов и социальных отношений, выполняя множество функций помимо собственно уничтожения врага. Вместе с тем, антропологическая перспектива, при всем ее богатстве, фокусируется на описании многообразия форм войны и их культурных контекстов, оставляя открытым вопрос о том, существует ли за этим многообразием некая единая логика — нечто общее, что делает войну именно войной во всех известных обществах, независимо от их культурных различий.

1.6. Общее во всех подходах: война описывается через внешние проявления, но не через сущность

Проведенный обзор основных дисциплинарных подходов к изучению войны — социологического, политологического, экономического, психологического и антропологического — позволяет сделать одно наблюдение, которое трудно оспорить. Каждая из этих дисциплин внесла существенный вклад в понимание отдельных аспектов войны: ее социальных функций, политических целей, экономических мотивов, психологических механизмов и культурных форм. Однако при всем многообразии накопленного знания сохраняется фундаментальная проблема: науки о войне описывают ее через внешние проявления, не проникая в сущность самого явления.

Социология говорит о войне как о конфликте за ресурсы, статус и власть. Но ресурсы, статус и власть — это то, за что воюют, а не то, что делает войну войной. Конфликт за ресурсы может разрешаться и без войны — через торговлю, переговоры, правовые процедуры. Борьба за статус ведется и в мирной жизни — через конкуренцию, карьерный рост, символическое потребление. Властное противостояние происходит и внутри государств — через выборы, лоббирование, бюрократическую борьбу. Почему в одних случаях эти конфликты разрешаются мирно, а в других перерастают в организованное массовое убийство, социология объясняет лишь частично, ссылаясь на интенсивность противоречий или отсутствие институциональных механизмов их урегулирования. Но сама по себе интенсивность не создает войну — она лишь делает более вероятным тот или иной способ ее ведения.

Политология, следуя Клаузевицу, определяет войну как продолжение политики иными средствами. Это определение точно схватывает инструментальный характер войны, ее подчиненность политическим целям. Но оно уходит от вопроса: что именно в самой политике создает потребность в переходе к «иным средствам»? Почему цели, которые прежде достигались дипломатией, экономическим давлением или культурным влиянием, в определенный момент начинают требовать применения военной силы? Политология рассматривает войну как функцию политики, но не исследует, что в структуре политических интересов делает войну возможной и необходимой.

Экономическая теория фокусируется на материальных мотивах войны — борьбе за рынки, ресурсы и рабочую силу. Однако экономические блага, за которые ведется борьба, не являются войной. Те же самые ресурсы могут быть предметом мирного обмена, инвестиционного соперничества или технологической конкуренции. Более того, экономический анализ исходит из предпосылки ограниченности ресурсов как естественного условия человеческого существования. Но ограниченность ресурсов — универсальное условие, существовавшее на протяжении всей человеческой истории, тогда как война — явление исторически и культурно специфичное. Если бы ограниченность ресурсов автоматически порождала войну, человечество воевало бы непрерывно и повсеместно. Экономическая теория не объясняет, почему одни

общества в условиях ресурсного дефицита воюют, а другие находят институциональные или технологические способы его преодоления.

Психология исследует внутренние механизмы, делающие человека способным к агрессии и насилию: врожденные инстинкты, фрустрацию, усвоенные модели поведения, групповую идентичность, подчинение авторитету. Но все эти механизмы сами по себе не создают войну. Агрессия может находить выход в спорте, конкуренции, искусстве. Фрустрация может вести к протесту, миграции, депрессии. Групповая идентичность может выражаться в ритуалах, праздниках, символическом противостоянии болельщиков. Психологические механизмы объясняют, как люди оказываются способными воевать, но не объясняют, почему они начинают это делать в конкретный исторический момент и против конкретного врага.

Антропология представила войну как культурный феномен, встроенный в систему ритуалов, верований и социальных институтов. Она показала, что война в архаических обществах часто была ритуализирована, ограничена правилами и выполняла социальные функции помимо собственно уничтожения врага. Но антропологическое описание, при всем его богатстве, остается именно описанием — оно фиксирует многообразие форм войны, не предлагая единого объяснения того, почему эти формы вообще возникают и что между ними общего.

Таким образом, каждая из рассмотренных дисциплин отвечает на свой вопрос о войне. Но ни одна из них не ставит и не отвечает на вопрос о сущности войны: что есть война как таковая, что делает ее отличной от всех иных форм конфликта, что является ее необходимым и достаточным условием?

Это упущение не случайно. Оно коренится в самом методе, который применяют науки о войне. Все рассмотренные подходы являются объективирующими: они изучают войну как внешний объект, как явление, которое может быть описано, измерено, классифицировано и объяснено через корреляции с другими объективными факторами — экономическими показателями, политическими режимами, демографическими трендами, психологическими профилями. Но война — это не только объективный процесс. Это еще и субъективное явление: она происходит не просто между государствами или группами, а между субъектами, которые осознают себя, осознают врага и осознают то, что поставлено на карту. Война — это состояние сознания не в меньшей степени, чем состояние экономики или политической системы.

Научный метод, требующий исключения субъективности из процедуры познания, оказывается принципиально неспособным схватить войну в ее сущности, потому что сущность эта лежит не в объективных структурах, а в способе, которым субъект относится к своему бытию и к бытию другого. Чтобы понять, что такое война, нужно не описывать ее внешние проявления, а осознать, что делает ее возможной как явление, наблюдаемое субъектом. Для этого требуется иной метод — не объективирующий, а гуманитарный.

Глава 2. Теории причин войны: от Гоббса до современности

2.1. Естественное состояние и «война всех против всех» (Гоббс)

Томас Гоббс занимает особое место в истории осмысления войны. Он не просто предложил одну из многих теорий — он поставил вопрос о причинах войны на фундаментальный уровень, связав его с самой природой человека и условиями человеческого существования до возникновения государства. Его концепция естественного состояния и «войны всех против всех» стала отправной точкой для всей последующей философской и научной рефлексии о природе конфликта.

Гоббс изложил свою теорию наиболее полно в «Левиафане», опубликованном в 1651 году. Исходный пункт его рассуждений — представление о естественном состоянии, то есть о таком состоянии человечества, в котором отсутствует общая власть, способная держать всех в подчинении. Гоббс настаивал, что естественное состояние не является исключительно гипотетической конструкцией. Он указывал на три исторических свидетельства его реальности: жизнь диких народов Америки, не знающих государственной организации; состояние гражданской войны, в которое периодически впадают цивилизованные нации; и, наконец, отношения между суверенными государствами, которые и в его время, и поныне пребывают друг с другом именно в естественном состоянии, не имея над собой общей власти [48].

В естественном состоянии, по Гоббсу, все люди равны. Равенство это не юридическое и не моральное, а фактическое: самый слабый человек обладает достаточной силой, чтобы убить самого сильного — либо хитростью, либо в союзе с другими. Из этого равенства способностей проистекает равенство надежд на достижение целей. А поскольку ресурсы, необходимые для жизни, ограничены, двое, желающих одного и того же, становятся врагами [48].

Гоббс выделяет три основные причины конфликта в естественном состоянии. Первая — соперничество: люди нападают друг на друга ради наживы, стремясь завладеть чужим имуществом, землей, скотом или подчинить себе чужой труд. Вторая — недоверие: даже тот, кто сам не склонен к агрессии, вынужден нападать первым ради собственной безопасности, поскольку не может быть уверен в мирных намерениях других. Третья — жажда славы: люди сражаются за репутацию, за малейшие знаки неуважения к себе, своей семье, своему клану, поскольку в отсутствие общей власти репутация силы является единственной защитой [48].

Из этих трех причин Гоббс выводит свою знаменитую формулу: в естественном состоянии идет «война всех против всех». Важно отметить, что Гоббс понимал войну не как непрерывные битвы, а как постоянную готовность к ним, как состояние, в котором никто не может быть уверен в своей безопасности и каждый вынужден полагаться только на собственную силу и хитрость. В таком состоянии, писал Гоббс, нет места для промышленности, земледелия, торговли, искусств и наук — и жизнь человека одинока, бедна, беспросветна, тупа и кратковременна [48].

В этой картине мира война не является отклонением от нормы — она и есть норма естественного состояния. Мир возможен только как результат искусственного установления — общественного договора, посредством которого люди передают свою естественную свободу суверену в обмен на безопасность. Государство, этот «смертный бог», Левиафан, возникает именно для того, чтобы положить конец войне всех против всех, монополизировав право на насилие и принуждение [48].

Гоббсова теория оказала колоссальное влияние на последующую мысль о войне. Его триада причин — соперничество, недоверие, жажда славы — воспроизводится в тех или иных

терминах практически во всех современных теориях конфликта. Соперничество соответствует ресурсному измерению войны (борьба за материальные блага), недоверие — структурному измерению (дилемма безопасности в анархической международной системе), жажда славы — статусному измерению (борьба за признание и положение в иерархии).

Однако при всем своем влиянии теория Гоббса содержит фундаментальную трудность, на которую обращали внимание уже его современники. Если естественное состояние есть состояние тотальной войны, то каким образом люди, находящиеся в этом состоянии, оказываются способны заключить общественный договор? Договор требует доверия, коммуникации, способности соблюдать обязательства — всего того, что в условиях войны всех против всех невозможно по определению. Если война действительно является первичным и естественным состоянием, то выход из нее через договор остается теоретически необъяснимым.

Более того, Гоббс принимает как данность само существование благ, из-за которых возникает соперничество. Его анализ начинается с ситуации, в которой уже есть имущество, земля, ресурсы — есть то, что можно отнять и чем можно владеть. Для него стремление к обладанию ими суть естественные условия человеческого существования, не требующие дальнейшего объяснения.

Таким образом, гоббсовская модель описывает механизм войны — как из соперничества, недоверия и жажды славы рождается конфликт, — но не проникает в ее причину.

2.2. Классовая борьба и империализм (Маркс, Ленин)

Марксистская теория войны представляет собой одно из наиболее разработанных направлений в рамках экономического и политологического анализа вооруженных конфликтов. В отличие от Гоббса, который искал причины войны в неизменной природе человека, Карл Маркс и его последователи поместили войну в исторический контекст смены общественно-экономических формаций и классовой борьбы.

Исходная позиция Маркса по отношению к войне определялась его общей теорией исторического материализма. В этой теории насилие не является самостоятельной силой, творящей историю, но играет роль ускорителя процессов, коренящихся в экономическом базисе общества. В «Капитале» Маркс писал, что насилие есть повивальная бабка всякого старого общества, беременного новым [49]. Эта формула означает, что насилие, включая войну, не создает новых производственных отношений, но способствует их рождению, разрушая политические и правовые оболочки, в которых выжили новые экономические силы.

В рамках марксова анализа война предстает как явление, производное от классовой структуры общества. Не народы и не государства воюют между собой — воюют классы, использующие государство как инструмент. Внешняя политика государства, включая решение о войне, определяется интересами господствующего класса, владеющего средствами производства. В докапиталистических обществах войны велись ради захвата рабов, земель и дани. При капитализме они ведутся ради рынков сбыта, источников сырья и сфер приложения капитала. Война, таким образом, всегда есть продолжение классовой политики, а не национальной [49].

Фридрих Энгельс, ближайший соратник Маркса, уделял значительное внимание военным вопросам и внес самостоятельный вклад в марксистскую теорию войны. В работе «Роль насилия в истории» и многочисленных статьях по военной тематике Энгельс развивал мысль о том, что способы ведения войны определяются уровнем развития производительных сил. Армия и флот, утверждал он, стоят обществу столько, сколько позволяют его экономические возможности, а военная тактика и стратегия в конечном счете зависят от техники производства и средств сообщения [50]. Энгельс, таким образом, вписал войну в более широкую материалистическую схему: изменения в экономическом базисе вызывают изменения в военной надстройке.

Владимир Ленин, опираясь на Маркса и Энгельса, но адаптируя их идеи к условиям начала XX века, создал наиболее законченную марксистскую теорию войны — теорию империализма. В работе «Империализм как высшая стадия капитализма», написанной в 1916 году, Ленин утверждал, что капитализм вступил в новую, монополистическую фазу, основными чертами которой являются концентрация производства и капитала, сращивание промышленного и банковского капитала в финансовый капитал, вывоз капитала за рубеж и экономический раздел мира между монополистическими союзами капиталистов [51].

Из этого анализа Ленин делал вывод, прямо относящийся к природе войны. Поскольку мир уже поделен между капиталистическими державами, дальнейшее расширение возможно только за счет передела. Борьба за передел уже поделенного мира с необходимостью принимает форму империалистических войн. Первая мировая война была, по Ленину, именно такой империалистической войной с обеих сторон — войной за передел колоний, рынков и сфер влияния [51]. Ленин особо подчеркивал, что национальные лозунги, под которыми велась война, были лишь прикрытием для империалистических интересов финансового капитала.

Ленинская теория империализма предложила объяснение не только причин конкретных войн, но и их исторической динамики. Неравномерность экономического и политического развития капиталистических стран при империализме ведет к тому, что соотношение сил между ними постоянно меняется, в то время как раздел мира закреплен прежними договорами и границами. Возникающее противоречие между изменившимся соотношением сил и устаревшим разделом сфер влияния разрешается войной. Таким образом, империалистические войны не случайны — они закономерны для монополистической стадии капитализма [51].

В ленинской перспективе единственным способом устранения империалистических войн является устранение самого капитализма. Пока существует класс капиталистов, владеющий средствами производства, пока существует финансовый капитал, ищущий прибыльного приложения, до тех пор будут существовать и экономические основания для войн. Мир между народами возможен только как результат победы социалистической революции и установления диктатуры пролетариата, которая уничтожает частную собственность на средства производства и тем самым устраняет экономический базис войны [51].

Марксистско-ленинская теория войны оказала значительное влияние на антивоенные движения, национально-освободительную борьбу и формирование внешней политики социалистических государств в XX веке. Однако она же столкнулась с рядом теоретических и эмпирических трудностей. Войны между социалистическими странами (советско-китайский пограничный конфликт, вьетнамско-камбоджийская война) оказались труднообъяснимыми в рамках классовой теории, поскольку с обеих сторон воевали государства, объявившие себя социалистическими и не имевшие класса капиталистов. Кроме того, марксистская теория фокусируется на экономических мотивах господствующих классов, но не объясняет, почему массы людей, не извлекающих прямой выгоды из империалистической экспансии, тем не менее участвуют в войнах и зачастую поддерживают их с энтузиазмом.

Как и в случае с гоббсовской теорией, марксизм принимает как данность существование благ, за которые ведется борьба. Анализ Ленина начинается с констатации, что мир уже поделен, что существуют рынки, колонии, сферы влияния, которые можно перераспределять.

2.3. Геополитика и борьба за жизненное пространство (Ратцель, Хаусхофер)

Геополитическая традиция в изучении войны возникла на рубеже XIX и XX веков как попытка объяснить поведение государств через их географическое положение, территориальные характеристики и пространственные интересы. В отличие от Гоббса, искавшего причины войны в природе человека, и от Маркса с Лениным, видевших их в классовой структуре обще-

ства, геополитики поместили в центр анализа государство как пространственный организм, чье поведение определяется его положением на карте.

Основателем геополитики как самостоятельного направления считается Фридрих Ратцель, немецкий географ и этнограф. В работах «Политическая география» (1897) и «О законах пространственного роста государств» (1901) Ратцель сформулировал концепцию государства как живого организма, который, подобно биологическому виду, нуждается в пространстве для роста и развития [52]. Государство, по Ратцелю, представляет собой форму распространения жизни на земной поверхности, а его границы — не нечто застывшее, а временный рубеж, отражающий текущее соотношение сил между соседними государственными организмами.

Ратцель утверждал, что растущее государство неизбежно вступает в конфликт с соседями, поскольку его потребность в пространстве приходит в противоречие с уже существующими границами. В этой логике война есть не аномалия, а естественное проявление жизненной силы государства. Расширение территории рассматривалось Ратцелем как показатель здоровья государства, тогда как стагнация или сокращение — как признаки упадка [52]. Пространство, таким образом, выступало в его концепции одновременно как ресурс, необходимый для существования, и как цель, к которой государство стремится в силу своей внутренней природы.

Рудольф Челлен, шведский политолог, развил идеи Ратцеля и ввел сам термин «геополитика» в работе «Государство как форма жизни» (1916). Челлен рассматривал государство в пяти измерениях: географическом, экономическом, демографическом, социальном и политическом, — настаивая на том, что география является базовым, фундаментальным измерением, определяющим возможности и ограничения во всех остальных [53]. Для Челлена, как и для Ратцеля, борьба за пространство была естественным законом существования государств, а война — неизбежным следствием этой борьбы.

Наиболее противоречивой фигурой в геополитической традиции стал Карл Хаусхофер, немецкий генерал и географ, чьи идеи оказали влияние на внешнюю политику нацистской Германии. Хаусхофер синтезировал идеи Ратцеля и Челлена с концепцией Хэлфорда Макиндера, британского географа, сформулировавшего теорию «хартленда» — центральной области Евразии, контроль над которой, по Макиндеру, дает контроль над всем миром [54].

Хаусхофер ввел в геополитический оборот понятие «жизненное пространство» (Lebensraum), которое он заимствовал у Ратцеля, но наполнил его новым политическим содержанием. В его трактовке жизненное пространство — это территория, необходимая народу для обеспечения своего существования и развития, для поддержания демографического роста и экономической самодостаточности [55]. Нехватка жизненного пространства, по Хаусхоферу, является основной причиной войн: народы, ограниченные в пространстве, вынуждены воевать, чтобы расширить свою территорию до естественных границ, определяемых географическими и климатическими условиями.

Хаусхофер разработал теорию «панрегионов» — крупных геополитических зон, каждая из которых, по его мысли, должна находиться под доминированием одной державы. Германия, в его представлении, имела естественное право на контроль над Центральной и Восточной Европой как своим жизненным пространством. Эта концепция была использована нацистским режимом для обоснования территориальной экспансии, хотя сам Хаусхофер, чья жена была наполовину еврейкой, а сын казнен после покушения на Гитлера, имел сложные отношения с нацистским руководством [55].

Классическая геополитика, при всех различиях между ее представителями, исходила из нескольких общих предпосылок. Во-первых, государство рассматривалось как организм, подчиняющийся законам роста и упадка. Во-вторых, пространство понималось как фундаментальный ресурс, за который ведется борьба. В-третьих, война представлялась как естественный и неизбежный механизм перераспределения пространства между государствами.

После Второй мировой войны геополитика была дискредитирована связью с нацизмом и на время вытеснена из академического дискурса. Однако во второй половине XX века она возродилась в новых формах, прежде всего в работах американских стратегов вроде Николая Спайкмена и Генри Киссинджера, которые использовали геополитические концепции для обоснования внешней политики США в эпоху холодной войны [56]. Современная геополитика в значительной степени отошла от биологизаторских метафор Ратцеля и Челлена, но сохранила ядро подхода: анализ поведения государств через их пространственное положение, доступ к ресурсам и контроль над стратегическими территориями.

Геополитическая традиция, как и другие рассмотренные подходы, описывает механизмы, через которые пространственные факторы ведут к конфликту. Она объясняет, почему государства стремятся к расширению и почему это стремление приводит к столкновениям. Но она не ставит вопроса о том, что превращает пространство — само по себе нейтральную географическую данность — в объект борьбы.

2.4. Теория демократического мира (Кант, современные либеральные теории)

Теория демократического мира занимает особое место среди объяснений причин войны, поскольку она формулирует не столько ответ на вопрос «почему войны происходят», сколько ответ на вопрос «при каких условиях войны не происходят». Это попытка найти не причину войны, а условие мира. В основе теории лежит эмпирическое наблюдение, впервые систематически сформулированное во второй половине XX века: демократические государства не воюют друг с другом, хотя они воюют с недемократическими режимами не реже, а по некоторым данным и чаще, чем недемократические государства между собой.

Истоки этой теории восходят к Иммануилу Канту, который в трактате «К вечному миру», опубликованном в 1795 году, сформулировал условия, при которых война может быть устранена из международных отношений. Кант предложил три «дефинитивные статьи» вечного мира: первая — гражданское устройство каждого государства должно быть республиканским; вторая — международное право должно быть основано на федерализме свободных государств; третья — право всемирного гражданства должно быть ограничено условиями всеобщего гостеприимства [57].

Кантовское обоснование связи между республиканским устройством и миром опиралось на представление о том, что в республике, где граждане сами принимают решение о войне, они будут менее склонны к ней, чем монарх, который не несет лично издержек войны. Граждане, которым предстоит сражаться, платить налоги и восстанавливать разрушенное, по мнению Канта, хорошо подумают, прежде чем начать войну. Монарх же, владеющий государством как своей собственностью, может решиться на войну по капризу или из соображений престижа [57].

Кант не утверждал, что республики вовсе не будут воевать. Он признавал, что они могут вести оборонительные войны и даже наступательные — против нереспубликанских государств. Но между собой республики, по его мысли, будут склонны к миру, поскольку у них отсутствуют мотивы, движущие монархами: династические споры, личное честолюбие, стремление к расширению владений как к источнику личного обогащения [57].

Современная теория демократического мира, возродившаяся в 1980-е годы, опирается на обширный эмпирический материал. Майкл Доил в двухчастной статье «Либерализм и мировая политика», опубликованной в 1986 году, обобщил данные о войнах с XVIII века и пришел к выводу, что либеральные демократии действительно не воевали друг с другом, хотя участвовали в многочисленных войнах против нелиберальных режимов [58]. Этот вывод был мно-

гократно проверен и в целом подтвержден последующими исследованиями, хотя вокруг него продолжают методологические споры.

Современные либеральные теории предлагают несколько взаимодополняющих объяснений феномена демократического мира. Институциональное объяснение, наиболее близкое к кантовскому, состоит в том, что в демократиях решения о войне принимаются с учетом общественного мнения, через подотчетные парламенты и при наличии сдержек и противовесов. Политические лидеры, которым требуется одобрение избирателей, не могут позволить себе авантюрных войн, а сложная процедура принятия решений замедляет эскалацию и дает время для дипломатического разрешения конфликта [59].

Нормативное объяснение фокусируется на общности ценностей. Либеральные демократии разделяют принципы мирного разрешения конфликтов, уважения к правам человека и верховенства закона. Эти принципы, применяемые внутри страны, переносятся и на международные отношения: демократические государства склонны рассматривать друг друга как легитимных партнеров, с которыми споры должны решаться путем переговоров и компромисса, а не силой [59].

Экономическое объяснение акцентирует взаимозависимость. Либеральные демократии, как правило, являются странами с рыночной экономикой, интенсивно торгующими друг с другом. Война между ними нанесла бы неприемлемый ущерб экономическим интересам, что создает мощный стимул к мирному урегулированию споров. Эта логика восходит к идее о том, что торговля способствует миру, которую разделяли многие мыслители от Монтескье до Кобдена [60].

Теория демократического мира подвергалась критике с разных позиций. Реалисты утверждали, что мир между демократиями объясняется не их внутренним устройством, а общностью интересов перед лицом более серьезных угроз — прежде всего советской в период холодной войны. Сторонники мир-системного анализа указывали, что демократический мир есть привилегия стран ядра капиталистической миросистемы, которые не воюют друг с другом, поскольку совместно эксплуатируют периферию. Некоторые исследователи оспаривали саму эмпирическую базу теории, указывая на пограничные случаи, которые не укладываются в общую закономерность.

При всех разногласиях теория демократического мира остается одной из наиболее влиятельных в современной политологии и международных отношениях. Она предлагает оптимистическую перспективу: распространение демократии должно вести к расширению зоны мира. Однако эта теория, как и другие рассмотренные подходы, описывает условия, при которых война более или менее вероятна, но не проникает в сущность самой войны. Она объясняет, почему определенный тип государств не воюет друг с другом, но не объясняет, почему они вообще способны воевать — что делает войну возможной как явление, независимо от политического режима воюющих сторон.

При всем этом теория демократического мира сталкивается с серьезным вызовом, который исходит не столько от ее критиков, сколько от самой политической практики последних десятилетий. Югославские войны 1990-х годов, вторжение в Ирак в 2003 году, ливийская кампания 2011 года и другие конфликты с участием демократических государств демонстрируют одну и ту же закономерность: для начала войны против любого государства оказывается достаточным объявить его недемократическим, авторитарным или тираническим. Являлся ли противник демократическим до такого объявления — вопрос, который становится предметом дискуссий уже после начала боевых действий, но не препятствует самому началу войны. Слободан Милошевич в Сербии, Саддам Хусейн в Ираке, Муаммар Каддафи в Ливии — все они характеризовались как диктаторы, война против которых оправдана гуманитарными соображениями или необходимостью распространения демократии. Однако вопрос о том, насколько демократическими были режимы, начавшие эти войны, и насколько демократическими были

процедуры принятия решений о начале войны в самих этих государствах, остается открытым. Практика показывает, что тезис «демократии не воюют друг с другом» может выполняться не столько в силу реального миролюбия демократических режимов, сколько в силу возможности всегда определить противника как недемократического, независимо от его действительного политического устройства. Это ставит под вопрос не столько эмпирическую достоверность теории, сколько ее объяснительную силу: если демократический статус противника может быть переопределен в любой момент, то теория демократического мира рискует оказаться тавтологией — демократии не воюют с демократиями, потому что те, с кем они воюют, по определению не являются демократиями.

2.5. Цивилизационные конфликты (Хантингтон)

Концепция цивилизационных конфликтов, сформулированная американским политологом Сэмюэлом Хантингтоном, представляет собой одну из наиболее влиятельных и одновременно наиболее спорных попыток объяснить природу войн в эпоху после окончания холодной войны. В статье «Столкновение цивилизаций?», опубликованной в 1993 году в журнале *Foreign Affairs*, а затем в развернутой книге 1996 года, Хантингтон предложил новую парадигму для понимания международных конфликтов, альтернативную как реалистической, так и либеральной теориям [61].

Исходный тезис Хантингтона состоит в том, что после распада биполярной системы, основанной на идеологическом противостоянии капитализма и коммунизма, основным источником конфликтов станут не классовые, не экономические и не идеологические различия, а различия культурные и цивилизационные. Цивилизацию Хантингтон определял как наивысшую культурную общность, основанную на общих объективных признаках — языке, истории, религии, обычаях, институтах, — а также на субъективной самоидентификации людей. В современном мире, по его мнению, существует семь или восемь основных цивилизаций: западная, латиноамериканская, православная, исламская, конфуцианская, японская, индуистская и, возможно, африканская [61].

Хантингтон утверждал, что цивилизационная идентичность будет играть все более важную роль в международных отношениях, а линии разлома между цивилизациями станут линиями будущих фронтов. Конфликты между группами, принадлежащими к разным цивилизациям, имеют тенденцию к эскалации и затяжному характеру, поскольку они затрагивают фундаментальные ценности и идентичности, которые не поддаются компромиссу. В отличие от политических или экономических споров, которые могут быть урегулированы путем переговоров и взаимных уступок, цивилизационные конфликты касаются вопросов о том, кто мы есть, во что мы верим и как мы живем, — а такие вопросы обычно решаются силой [61].

Важным элементом хантингтоновской концепции является тезис о «кровавых границах ислама». Анализируя статистику вооруженных конфликтов, Хантингтон пришел к выводу, что исламская цивилизация наиболее склонна к конфликтам с другими цивилизациями, причем как с западной, так и с православной, индуистской и конфуцианской. Это объяснялось, по его мнению, сочетанием нескольких факторов: историческим опытом экспансии, демографическим давлением, отсутствием доминирующего государства внутри самой исламской цивилизации и особенностями политической культуры [61].

Хантингтон также предсказывал возможность союза между конфуцианской и исламской цивилизациями, направленного против Запада. Это предсказание основывалось на наблюдении о том, что Китай и ряд исламских государств, не разделяя общих культурных ценностей, могут быть объединены общим противником и общим стремлением к пересмотру сложившегося международного порядка, в котором доминирует Запад [61].

Концепция Хантингтона вызвала широкую дискуссию. Ее сторонники указывали на то, что она позволила предсказать ряд конфликтов, включая обострение отношений между Западом и исламским миром после событий 11 сентября 2001 года. Критики, напротив, обвиняли Хантингтона в чрезмерном упрощении и генерализации, в игнорировании конфликтов внутри самих цивилизаций — которые исторически были не менее, а часто и более кровавыми, чем межкультурные, — а также в том, что его концепция рискует стать самосбывающимся пророчеством, провоцируя именно те конфликты, которые она описывает как неизбежные [62].

Для целей настоящего анализа важно отметить, что хантингтоновская теория, как и другие рассмотренные подходы, описывает линии, по которым проходят конфликты, и факторы, которые делают их более вероятными или более интенсивными. Она отвечает на вопрос «между кем?» и отчасти на вопрос «почему именно сейчас?». Но она не отвечает на более фундаментальный вопрос: что превращает само различие — культурное, религиозное, цивилизационное — в причину вооруженного столкновения? Различия между народами существовали всегда, но далеко не всегда и не везде они приводили к войне. При каких условиях различие становится основанием для организованного массового насилия — этот вопрос, как и в предыдущих случаях, остается за рамками анализа.

2.6. Критика: все теории указывают на разные причины, но не сводят их к единому основанию

Рассмотренные в данной главе теории причин войны — от Гоббса до Хантингтона — образуют впечатляющий по своему охвату и глубине корпус знания. Каждая из них выделяет определенный аспект реальности в качестве решающего фактора, порождающего войну: природа человека, классовая структура общества, географическое положение государства, политический режим, культурная идентичность. Каждая из них опирается на обширный эмпирический материал и способна объяснить значительное число исторических случаев. Однако при попытке сопоставить эти теории друг с другом обнаруживается фундаментальная проблема: они не просто предлагают разные ответы на один и тот же вопрос, они исходят из разных представлений о том, что именно подлежит объяснению.

Гоббс видит причину войны в природе человека — в соперничестве, недоверии и жажде славы. Маркс и Ленин — в классовой структуре и экономических интересах господствующего класса. Ратцель и Хаусхофер — в географическом положении и потребности государства в пространстве. Кант и современные либеральные теоретики — в отсутствии демократических институтов и общих ценностей. Хантингтон — в цивилизационных различиях и несовместимости культурных идентичностей.

Каждая из этих теорий, будучи примененной к конкретному историческому случаю, может предложить убедительное объяснение. Первая мировая война может быть описана как результат империалистического соперничества (Ленин), как следствие нарушения баланса сил в анархической международной системе (реалисты), как конфликт, вызванный отсутствием демократического контроля над внешней политикой в ряде участвовавших стран (либералы), или как столкновение геополитических интересов великих держав (геополитики). Проблема заключается в том, что все эти объяснения одновременно не могут быть истинными в качестве единственной причины, а критерия для выбора между ними не существует. Каждая теория выделяет тот аспект реальности, который она считает фундаментальным, и интерпретирует все остальные как производные или второстепенные.

Эта ситуация теоретического плюрализма, не сводимого к единому основанию, свидетельствует о том, что существующие теории причин войны описывают не столько саму войну как явление, сколько различные условия, при которых она становится более или менее вероятной. Природа человека, классовая борьба, географическое положение, политический режим,

культурная идентичность — все это факторы, которые могут способствовать возникновению войны или, напротив, препятствовать ему. Но они не являются тем, что делает войну войной. Война может вестись при любом политическом режиме, при любой классовой структуре, в любом географическом положении и между представителями любых цивилизаций. Следовательно, ни один из этих факторов не является необходимым условием войны.

Отсутствие единого основания не является случайным недостатком существующих теорий. Оно коренится в самом способе постановки вопроса. Каждая из рассмотренных теорий спрашивает: «Почему происходит война?» — и ищет ответ в той или иной сфере социальной реальности. Но этот вопрос уже предполагает, что война есть нечто, требующее объяснения через что-то другое, внешнее по отношению к ней самой. Возможно, более продуктивным был бы иной вопрос: «Что есть война?» — вопрос о ее сущности, а не о ее причинах. Ответ на этот вопрос, если он вообще возможен, должен быть найден не в добавлении еще одной теории к уже существующим, а в ином способе рассмотрения самого явления.

Таким образом, критический обзор теорий причин войны приводит к выводу не о том, что эти теории неверны, а о том, что они недостаточны. Они описывают условия, механизмы и формы войны, но не проникают в ее сущность. Для того чтобы продвинуться дальше, необходимо не просто предложить еще одно объяснение, но изменить сам способ вопрошания о войне — перейти от объективирующего анализа внешних факторов к осмыслению войны как явления, которое имеет свой генезис в определенном состоянии субъекта и его отношений с миром. Именно такой подход предлагается в последующих частях настоящей работы.

Глава 3. Необходимость гуманитарного подхода к войне

3.1. Война как субъективное явление

Обзор основных подходов к изучению войны — от социологии до антропологии, от теорий причин войны до цивилизационной концепции — выявил общую для всех них особенность. Каждая из рассмотренных дисциплин и теорий рассматривает войну как объект, внешний по отношению к исследователю. Война предстает в этих подходах как совокупность фактов, процессов и структур, которые могут быть описаны, измерены, классифицированы и объяснены через корреляции с другими объективными факторами — экономическими, политическими, демографическими, культурными. Исследователь занимает позицию внешнего наблюдателя, который изучает войну так же, как естествоиспытатель изучает физические явления.

Однако война — это не только объективный процесс, фиксируемый сторонним наблюдателем. Война — это также и прежде всего явление, которое наблюдается самими участниками. Она происходит не просто между государствами, армиями или социальными группами как абстрактными единицами анализа. Она происходит между субъектами, которые осознают себя, осознают противника, осознают то, что поставлено на карту, и осознают сами действия, которые они совершают. Война — это состояние сознания не в меньшей степени, чем состояние экономики, политической системы или международных отношений.

Это означает, что война не может быть адекватно понята исключительно объективирующими методами. Объективирующий метод требует исключения субъективности из процедуры познания — наблюдатель должен быть отделен от наблюдаемого, его личные переживания, оценки и смыслы должны быть вынесены за скобки как помехи, искажающие чистоту научного результата. Но если сама война есть явление, существующее в сознании субъектов, то метод, принципиально исключающий субъективность, неизбежно упускает именно то, что делает войну войной.

Война наблюдается субъектом — и это наблюдение не есть пассивная регистрация внешних событий. Субъект, наблюдающий войну, находится внутри нее. Он не просто фиксирует факты — он переживает их, осмысляет их, принимает на их основе решения, от которых зависит его жизнь и жизнь других. Наблюдение войны — это всегда наблюдение изнутри, даже если наблюдатель не находится непосредственно на поле боя. Информация о войне, поступающая к командиру, политику, гражданину, всегда опосредована чьим-то наблюдением и всегда включена в контекст его собственного сознания.

Более того, война не просто наблюдается субъектом — она им осознается. Осознание означает, что субъект не просто воспринимает нечто, но и понимает это нечто как имеющее отношение к нему самому. Война осознается как угроза моему бытию или бытию моей группы, как вызов, требующий ответа, как ситуация, в которой я должен действовать тем или иным образом. Без этого осознания нет войны — есть просто физические события, перемещения тел и разрушения предметов, которые могут быть зафиксированы камерой или датчиком, но которые не складываются в то, что люди называют войной.

Из этого следует, что война требует от субъекта ответа на вопрос: «Что я сделал?» Этот вопрос не является праздным любопытством или теоретическим упражнением. Он имеет непосредственно практический характер. Субъект, находящийся в состоянии войны, нуждается в понимании того, какие его собственные действия — или действия его группы, его государства, его цивилизации — привели к возникновению этой ситуации. Без ответа на этот вопрос он

не может выработать адекватную стратегию поведения. Он будет реагировать на внешние стимулы, не понимая их причин, и его действия будут хаотичными и неэффективными.

Вопрос «что я сделал?» применительно к войне может быть задан на разных уровнях. Отдельный воин может спросить себя, что он сделал, что оказался на этом поле боя, перед этим противником, в этой смертельной опасности. Полководец может спросить, какие его решения привели армию к победе или поражению. Народ может спросить, что в его истории, в его культуре, в его способе существования сделало его объектом нападения или субъектом агрессии. Человечество в целом может спросить, что в самом способе человеческого бытия порождает войну как повторяющееся из века в век явление.

Научный метод, при всех его достижениях, не предназначен для ответа на вопрос «что я сделал?». Он отвечает на вопросы «как это работает?», «каковы причины?», «каковы закономерности?». Но вопрос «что я сделал?» — это вопрос не о внешних причинах, а о собственных действиях субъекта, которые привели к наблюдаемому результату. Это вопрос, обращенный не к объекту, а к самому себе. Наука, стремящаяся к объективности, принципиально не может поставить такой вопрос, потому что он требует включения субъекта в картину исследуемой реальности, а не его исключения.

Таким образом, необходим иной подход к пониманию войны — подход, который не исключает субъективность, а напротив, делает ее отправной точкой анализа. Такой подход должен рассматривать войну не как внешний объект, а как явление, наблюдаемое субъектом и требующее от него осознания собственных действий, приведших к этому наблюдению. Этот подход в рамках настоящей работы определяется как гуманитарный — в отличие от научного, объективирующего. Его цель состоит не в том, чтобы описать войну как совокупность внешних фактов, а в том, чтобы понять ее как явление, имеющее свой генезис в определенном состоянии субъекта и его отношений с миром. Именно в этом направлении и будет двигаться дальнейшее изложение.

3.2. Гуманитарный метод: цель наблюдения войны — осознать ее генезис

Исходный пункт гуманитарного метода применительно к войне состоит в следующем: война наблюдается субъектом не как внешний объект, существующий сам по себе, а как явление, в котором субъект обнаруживает самого себя. Обнаружить себя в явлении означает увидеть в нем результат собственных действий — не обязательно действий отдельного индивида, но действий той группы, того народа, того человечества, частью которого субъект себя осознает. Война не случается с субъектом как стихийное бедствие, не зависящее от его воли. Она есть результат того, что субъект — на определенном уровне общности — сделал или не сделал в прошлом.

Цель наблюдения войны в рамках гуманитарного метода может быть сформулирована следующим образом: осознать генезис войны, то есть понять, какие именно действия субъекта привели к ее возникновению. Генезис здесь понимается не как совокупность внешних причин и условий, а как последовательность собственных актов субъекта, результатом которых стало наблюдаемое явление. Осознать генезис — значит получить ответ на вопрос «что я сделал?» применительно к войне как таковой.

Почему эта цель является практически значимой? Потому что только осознав генезис явления, субъект получает способность его воспроизводить или не воспроизводить. Пока явление наблюдается как нечто внешнее, приходящее извне и не зависящее от наблюдателя, субъект остается беспомощным перед ним. Он может реагировать на него, бороться с его последствиями, но не может устранить его причину, поскольку не видит себя в качестве этой причины.

Когда же субъект осознает, что именно его действия породили наблюдаемое явление, он обретает способность не совершать этих действий впредь.

Это положение имеет прямое отношение к войне. Если войны являются результатом определенных действий человеческих сообществ, то прекращение этих действий должно вести к прекращению войн. Если же войны рассматриваются как следствие внешних и не зависящих от человека факторов — географических, экономических, биологических, — то надежда на их устранение становится иллюзорной, ибо эти факторы либо неустранимы, либо их устранение требует таких изменений в условиях человеческого существования, которые сами по себе недостижимы.

Гуманитарный метод, таким образом, предлагает радикальный поворот в постановке вопроса о войне. Вместо того чтобы спрашивать: «Каковы причины войны?» — и искать их вовне, в экономике, политике, географии или психологии, он спрашивает: «Что мы сделали, что теперь воюем?» Этот вопрос обращен не к абстрактному человечеству, а к конкретному субъекту — к тому, кто этот вопрос задает. Ответ на него не может быть получен путем наблюдения за внешними объектами. Он требует рефлексии — обращения сознания на самого себя, на свои собственные основания и предпосылки.

Важно подчеркнуть, что гуманитарный метод не отвергает знания, накопленного научными дисциплинами о войне. Экономические, политические, психологические, антропологические исследования дают ценный материал для осознания. Но они не могут заменить самого осознания. Они описывают условия, в которых действует субъект, но не действия самого субъекта. Переход от описания условий к осознанию действий требует иного способа мышления — не объективирующего, а субъективирующего, не объясняющего, а понимающего.

В контексте настоящей работы гуманитарный метод применяется к войне как таковой — не к отдельным войнам, не к войнам определенной эпохи или типа, а к войне как явлению, существующему в человеческой истории на протяжении тысячелетий. Цель состоит в том, чтобы осознать, что именно в самом способе человеческого существования делает войну возможной и повторяющейся. Если эта цель будет достигнута, то результатом станет не просто еще одна теория войны, а практическое знание — знание о том, как не начинать войну. Потому что знать, что именно ты сделал, чтобы война возникла, — значит знать, чего именно не нужно делать, чтобы она не возникла вновь.

Часть

II

. Рождение войны

Глава 4. Исходное состояние: достаток без избытка

4.1. Тотальный достаток: ровно столько, сколько нужно для бытия

Чтобы понять генезис войны, необходимо начать с того состояния, в котором война еще не существует. Это не историческая реконструкция некоего реально существовавшего «золотого века» и не гипотетическая конструкция в духе общественного договора. Это логически необходимое допущение: если война есть нечто возникшее, то должно существовать состояние, из которого она возникла, — состояние, в котором войны еще нет. Задача данной главы состоит в том, чтобы описать это состояние в терминах, которые позволят затем проследить логику его нарушения и перехода к войне.

Исходное состояние, предшествующее войне, может быть определено как *тотальный достаток*. Под достатком здесь понимается не изобилие и не богатство в каком-либо количественно измеримом смысле. Достаток означает, что для бытия субъекта — для поддержания его существования, для воспроизводства его жизни — имеется ровно столько, сколько необходимо. Не больше и не меньше. Это именно достаточность — состояние, в котором потребности бытия удовлетворяются полностью и немедленно, без образования остатка.

Важно различать тотальный достаток и примитивную бедность. Бедность есть состояние нехватки, при котором потребности бытия не удовлетворяются или удовлетворяются не полностью. Тотальный достаток, напротив, есть состояние, в котором сама возможность нехватки отсутствует — не потому, что ресурсов бесконечно много, а потому, что потребности и средства их удовлетворения находятся в равновесии. Субъект в состоянии тотального достатка берет от среды ровно столько, сколько ему нужно для бытия, и среда предоставляет ему ровно столько, сколько он берет.

Такое состояние возможно лишь при условии, что потребности субъекта ограничены самим его бытием. Пока желание совпадает с необходимостью, война невозможна.

Здесь может возникнуть вопрос: известно ли истории человеческое общество, жившее в состоянии тотального достатка? Этнографические исследования обществ охотников-собирателей, проведенные в XX веке, дают основания для утвердительного ответа. Маршалл Салинз в работе «Экономика каменного века» показал, что традиционные общества охотников и собирателей, вопреки распространенному предубеждению, не жили в условиях постоянной нехватки [63]. При относительно низком уровне материального потребления они удовлетворяли свои потребности с минимальными трудовыми затратами, оставляя значительное время для отдыха, общения и ритуалов. Салинз назвал этот тип хозяйства «первобытным обществом изобилия» — не потому, что в нем было много вещей, а потому, что в нем не было нехватки. Потребности были ограничены, средства их удовлетворения доступны, и равновесие между ними поддерживалось без необходимости в накоплении.

Разумеется, это не означает, что такие общества никогда не знали конфликтов. Но конфликты эти, как показывают антропологические данные, носили преимущественно межличностный характер и были связаны с нарушениями обычаев, а не с борьбой за ресурсы [63].

4.2. Отсутствие избытка как отсутствие причины войны

Тотальный достаток есть состояние, в котором субъект имеет ровно столько, сколько необходимо для бытия. Пока все, чем обладает субъект, необходимо ему для поддержания существования, любое покушение на это имущество есть покушение на саму его жизнь. Защита

имущества и защита жизни в таком случае суть одно и то же. Равным образом и попытка отнять имущество у другого есть попытка лишить его жизни — не метафорически, а в самом прямом смысле. Такое столкновение есть не война, а схватка за выживание, в которой либо один из участников погибает, либо оба расходятся, не достигнув цели.

Война же, в отличие от схватки за выживание, всегда предполагает возможность присвоения чего-то без обязательного уничтожения его обладателя. Воюющие стороны стремятся завладеть территорией, ресурсами, имуществом, властью, но они, как правило, не стремятся к поголовному истреблению друг друга. Даже самые кровопролитные войны в истории не заканчивались полным уничтожением побежденного народа — победитель присваивал его земли, его богатства, его труд, но не его жизнь как таковую. Жизнь побежденного часто нужна победителю именно потому, что она является источником того, что можно присвоить.

Эта способность к присвоению без уничтожения предполагает, что существует нечто, что может быть отделено от бытия своего обладателя. Таким нечто и является *избыток*.

Под излишком здесь и далее понимается количественное превышение над необходимым. Излишек есть то, что осталось сверх нужды. От излишка избавляются, он лишний. Излишек не меняет положения субъекта. Он лишь добавляет тяжесть, от которой можно освободиться.

Под избытком здесь понимается иное. Избыток не есть просто лишнее. Избыток есть то, что качественно меняет ситуацию. Избыток чувств — это не лишние чувства. Это чувства, которые меняют поведение: человек под избытком чувств действует не так, как под обычным чувством. Избыток сил — это не лишние силы. Это силы, которые требуют выхода, побуждают действовать. От такого избытка не избавляются, в нем нуждаются. Избыточный вес — это не просто лишний вес. Это вес, который меняет жизнь, потому что его приходится носить.

Избыток есть то, что может быть отнято без прекращения бытия обладателя, но при этом отнятие меняет его способ существования. Избыток не отбрасывается как лишнее. Он становится предметом и причиной отношений.

Отсутствие избытка означает отсутствие того, что могло бы стать предметом борьбы, не являющейся одновременно борьбой за жизнь.

Отсюда следует фундаментальный вывод: причина войны коренится не в природе человека, не в классовом устройстве общества, не в географическом положении государства, не в политическом режиме и не в цивилизационной идентичности. Все эти факторы могут влиять на форму, интенсивность и направленность войны, но не на саму ее возможность. Возможность войны как явления, отличного от простой схватки за выживание, обусловлена существованием избытка — того, что может быть отнято без уничтожения обладателя. Где нет избытка, там нет и причины для войны. Где избыток возникает, там возникает и возможность войны.

Это не означает, что избыток автоматически порождает войну. Он создает возможность войны, но не ее неизбежность. Для того чтобы возможность превратилась в действительность, требуются дополнительные условия.

Именно поэтому исходное состояние, предшествующее войне, есть состояние тотального недостатка без избытка — состояние, в котором причина войны еще не возникла.

4.3. Неразличенность «Мы» и среды. Другой не наблюдается как враг

Состояние тотального недостатка без избытка имеет еще одно важное следствие, касающееся восприятия субъектом окружающего мира и других людей. В этом состоянии субъект не проводит границы между собой, своей группой и средой обитания. Равным образом он не выделяет другого человека как врага — как субъекта, чье существование угрожает его собственному бытию или чье имущество может быть объектом присвоения.

Неразличенность «Мы» и среды означает, что группа, находящаяся в состоянии тотального достатка, воспринимает окружающий мир — природный и социальный — как продолжение себя, как данность, в которой она существует и из которой она черпает необходимое для бытия. Среда не противостоит группе как объект покорения или как источник угрозы. Она есть то, в чем группа живет, а не то, с чем она борется. Такое отношение к среде характерно для обществ, которые не противопоставляют себя природе, а ощущают себя ее частью. Это ощущение не является результатом философской рефлексии — оно есть непосредственная данность сознания, не знающего иного способа существования.

Равным образом и другой человек не воспринимается как враг. Враг — это не просто чужой или незнакомый. Враг — это тот, кто рассматривается как препятствие к удовлетворению потребностей или как обладатель того, что может быть присвоено. Но в состоянии тотального достатка потребности удовлетворяются полностью, а объектов для присвоения не существует. Следовательно, другой человек не является ни препятствием, ни источником желанных благ. Он может быть другом, сородичем, чужаком, духом, предком — кем угодно, но не врагом.

Это не означает, что в обществах, живущих в состоянии, близком к тотальному достатку, вовсе не было конфликтов или столкновений с чужаками. Этнографические данные свидетельствуют, что такие столкновения происходили, но они носили характер спорадических стычек, а не организованной войны [64]. Причиной их, как правило, служили не экономические мотивы, а нарушения ритуальных норм, месть за прошлые обиды или случайные инциденты. Такие столкновения не были направлены на захват ресурсов или подчинение противника — они были формой коммуникации, подчиненной определенным правилам, и прекращались, как только требуемое равновесие восстанавливалось.

Колин Тернбулл в исследовании пигмеев мбути, живущих в лесах Итури, описал общество, в котором отсутствовало понятие врага в том смысле, в каком оно существует в цивилизованных обществах [65]. Мбути не вели войн с соседними племенами, не захватывали территорию и не стремились к господству. Лес, в котором они жили, воспринимался ими как отец и мать, как источник всего необходимого, и отношение к нему было отношением любви и доверия, а не борьбы и покорения. Конфликты с соседними земледельческими племенами случались, но они были вызваны не стремлением мбути к экспансии, а вторжением земледельцев в лес — то есть нарушением того самого равновесия, которое обеспечивало достаток.

Другой не наблюдается как враг до тех пор, пока он не воспринимается как угроза бытию или как объект, обладающий чем-то, что может быть присвоено. Первое происходит при нарушении равновесия со средой — например, при вторжении на территорию, обеспечивающую достаток. Второе происходит при возникновении избытка — когда у другого появляется нечто, чем он обладает сверх необходимого. Но пока ни того, ни другого нет, другой человек не есть враг. Он есть просто другой — отличный от «Мы», но не противостоящий «Мы» в качестве угрозы.

Таким образом, исходное состояние тотального достатка без избытка характеризуется тремя взаимосвязанными чертами: во-первых, субъект имеет ровно столько, сколько необходимо для бытия; во-вторых, отсутствует нечто, что могло бы быть отнято без уничтожения обладателя; в-третьих, другой человек не воспринимается как враг, поскольку он не является ни угрозой бытию, ни источником благ, которые можно присвоить. Война в таком состоянии невозможна — не потому, что она запрещена или подавлена, а потому, что для нее нет оснований.

4.4. Война не осознается как явление

Из всего сказанного в предыдущих разделах следует вывод, имеющий принципиальное значение для всего дальнейшего изложения: в состоянии тотального достатка без избытка

война не осознается как явление. Это означает, что у людей отсутствует сама идея войны, само понятие о войне как об особом виде деятельности, имеющем свои цели, средства и правила.

Осознание явления предполагает, что это явление может быть выделено из потока бытия, поименовано и сделано предметом рефлексии. Человек может осознавать только то, что он наблюдает как нечто отдельное от себя и от других явлений. Охота, собирательство, изготовление орудий, ритуалы — все это наблюдается и осознается как определенные виды деятельности, каждый из которых имеет свое имя, свои правила и свои цели. Война же в состоянии тотального достатка не наблюдается — не потому, что ее скрывают или избегают, а потому, что она просто не происходит. А то, что никогда не происходит и не происходило в опыте субъекта, не может быть им осознано.

Это не означает, что люди в таком состоянии не знают насилия вообще. Межличностные конфликты, драки, убийства из мести или в состоянии аффекта могут случаться и в обществах, близких к тотальному достатку. Но эти акты насилия не складываются в то, что может быть названо войной. Война отличается от насилия вообще по нескольким существенным признакам: она организована, она направлена на достижение определенной цели, выходящей за рамки личной мести или сиюминутного порыва, она ведется группами против групп, и она предполагает наличие у воюющих сторон определенного самосознания — осознания себя как субъекта, противостоящего другому субъекту в качестве врага.

Пока эти условия не выполнены, насилие остается частным, несистематическим и неосознанным в качестве особого социального явления. Оно не имеет названия, отделяющего его от других видов конфликта. Оно не имеет правил, передаваемых из поколения в поколение. Оно не становится предметом мифов, ритуалов и героических сказаний. Оно не формирует идентичность — ни индивидуальную, ни групповую. Война как культурное явление, как особая сфера человеческой деятельности со своей логикой, этикой и эстетикой, в таком состоянии отсутствует.

Следствием этого является важный методологический вывод. Если война не осознается в исходном состоянии, то ее возникновение в истории человечества должно быть связано не просто с появлением неких объективных условий — ресурсов, технологий, социальных структур, — но и с появлением самого осознания войны как явления. Должен был произойти сдвиг в сознании, в результате которого люди впервые увидели в другом человеке врага, в его имуществе — добычу, а в организованном насилии — средство достижения целей. Этот сдвиг не мог быть результатом самой войны, поскольку война как осознанное явление еще не существовала. Он должен был иметь иную причину, коренящуюся в изменении базовых условий человеческого существования.

Таким образом, анализ исходного состояния приводит к постановке вопроса: что именно должно измениться в состоянии тотального достатка, чтобы война стала возможной в качестве осознанного явления? Ответ на этот вопрос требует обращения к центральному понятию настоящей работы — понятию избытка, к рассмотрению которого мы теперь и переходим.

4.5. Теорема: Избытка необходимо и достаточно для войны

Теорема: избыток необходим и достаточен для войны как сущности

Предшествующие разделы настоящей главы подвели к центральному тезису всей теории. Тезис этот может быть сформулирован как теорема, требующая строгого доказательства: избыток необходим и достаточен для войны. Прежде чем приступить к доказательству, необходимо зафиксировать определения, из которых оно исходит, и устранить смешения, возникающие при употреблении близких по звучанию, но различных по содержанию понятий.

Первое различие касается пары «излишек — избыток». Излишек есть количественный остаток, возникший после удовлетворения потребности. Он может быть не замечен, выброшен, уничтожен без каких-либо социальных последствий. Излишек есть факт природы.

Определение избытка в рамках настоящей работы таково: избыток есть то, что может быть отнято без прекращения бытия субъекта.

Из этого определения следует, что избыток не есть свойство вещи. Это свойство отношения. Нечто становится избытком только тогда, когда появляется другой субъект, который наблюдает это нечто как отнимаемое. Пока такого наблюдателя нет, нет и избытка — есть только вещь или состояние, включенное в бытие обладателя. Равным образом избыток не существует без препятствия. Если нечто может быть взято свободно, без противодействия, то оно не отнимается, а берется. Отнятие предполагает сопротивление. Следовательно, избыток есть только там, где есть по меньшей мере два субъекта: один наблюдает нечто как отнимаемое, другой препятствует отнятию.

Следующее различие касается пары «война как сущность — война как явление». Война как явление есть наблюдаемая извне последовательность организованного насилия: битвы, походы, осады, разрушения. Война как сущность есть отношение между субъектами, из которого эти явления могут проистекать, но которое существует и до явления войны, и независимо от явления войны. Именно война как сущность является предметом доказываемой теоремы. Вопрос о «начале войны» относится к войне как явлению и в рамках настоящей теоремы не рассматривается, поскольку начало есть временной момент явления сущности, а не сама сущность.

Доказательство необходимости избытка у жертвы

Предположим, что война есть, а избытка нет.

Если избытка нет, то не существует ничего, что может быть отнято без прекращения бытия обладателя. Следовательно, любое отнятие есть прекращение бытия того, у кого отнимают.

Тогда война не может иметь своим результатом приобретение чего-либо. Всё, что одна сторона может взять у другой, есть одновременно уничтожение этой другой стороны. Результатом такой войны может быть только гибель противника, но не присвоение.

Но война по определению есть отношение, в котором один субъект стремится лишить другого способности навязывать свою волю. Лишить способности навязывать волю не означает уничтожить. Если единственным возможным результатом является уничтожение, то это не война, а истребление.

Истребление есть прекращение отношения, а не отношение. В истреблении нечего приобретать, кроме самого факта уничтожения. Следовательно, то, что происходит, не есть война.

Получено противоречие: война есть, но то, что происходит, войной не является.

Следовательно, предположение о том, что война есть, а избытка нет, ложно.

Значит, если война есть, то избыток есть. Избыток необходим для войны.

Что и требовалось доказать.

Доказательство достаточности избытка у жертвы

Предположим, что избыток есть, а войны нет.

Если избыток есть, то, согласно определению, существует нечто, что может быть отнято без прекращения бытия обладателя. Следовательно, существует Б, который наблюдает это нечто как отнимаемое, и существует А, который препятствует отнятию.

Но если Б наблюдает отнимаемое и встречает препятствие со стороны А, то между А и Б уже существует отношение, в котором один субъект видит у другого нечто, что может быть отнято, и это отнятие удерживается силой или волей другого.

Это отношение и есть война как сущность по определению.

Получено противоречие: избыток есть, а войны нет, но при этом между А и Б существует отношение, которое по определению является войной.

Следовательно, предположение о том, что избыток есть, а войны нет, ложно.

Значит, если избыток есть, то война есть. Избыток достаточен для войны как сущности.

Что и требовалось доказать.

Теорема: избыток необходим и достаточен для войны как явления

Война как явление есть организованное насилие, направленное на отнятие или удержание избытка. Но явление войны требует затраты сил, средств и времени, которые не могут быть взяты из необходимого для существования нападающего. Затрата необходимого ведет к прекращению существования. Следовательно, нападающий может вести войну только в том случае, если у него есть нечто, что может быть отделено от его существования без прекращения его бытия. Это и есть избыток нападающего.

Доказательство необходимости избытка у нападающего

Предположим, что нападающий ведет войну, но избытка у него нет.

Если у нападающего нет избытка, то всё, чем он располагает, необходимо для его существования. Следовательно, любая затрата сил, средств или времени на войну есть отнятие у самого себя того, без чего он существовать не может.

Тогда ведение войны есть не что иное, как самоуничтожение: нападающий расходует на войну то, что необходимо ему для поддержания собственного бытия, и, следовательно, прекращает свое существование либо до начала войны, либо в процессе ее ведения.

Но субъект, который прекращает существование, не может вести войну. Война есть отношение, а для отношения необходимо, чтобы воюющий субъект сохранялся как субъект.

Получено противоречие: нападающий ведет войну, но при этом его ведение войны невозможно, поскольку оно есть самоуничтожение.

Следовательно, предположение о том, что нападающий ведет войну, а избытка у него нет, ложно.

Значит, если нападающий ведет войну, то у него есть избыток. Избыток необходим для ведения войны как явления.

Доказательство достаточности избытка у обороняющегося

Предположим, что у обороняющегося есть избыток как средство ведения войны, но войны как явления нет, то есть он не обороняется, а сразу уступает.

Если у обороняющегося есть избыток как средство ведения войны, то у него есть нечто, что может быть затрачено на ведение войны без прекращения его существования. Следовательно, оборона для него возможна: он может оказывать сопротивление, не уничтожая самого себя.

Но если оборона возможна и при этом обороняющийся не обороняется, а сразу уступает, то его поведение не имеет логического основания. Уступать при наличии средств к сопротивлению и при отсутствии угрозы собственному существованию — значит отдавать то, что можно защищать, без всякой необходимости.

Это нелогично. Субъект, обладающий средством к действию и не применяющий его без причины, противоречит самому понятию средства: средство есть то, что может быть применено, и если оно есть, то применение возможно.

Получено противоречие: у обороняющегося есть избыток как средство ведения войны, но войны как явления нет, хотя его отказ от обороны лишен логического основания.

Следовательно, предположение о том, что у обороняющегося есть избыток как средство ведения войны, но войны как явления нет, ложно.

Что и требовалось доказать.

Совокупность доказанных теорем позволяет завершить построение основного положения настоящей теории. избыток доказан как:

- причина войны — по необходимости избытка у жертвы;
- предмет войны — по достаточности избытка у жертвы;
- средство нападения — по необходимости избытка у нападающего;
- средство обороны — по достаточности избытка у обороняющегося.

Избыток, следовательно, есть не одно из условий войны среди прочих, а ее полное основание. Война возникает из избытка, ведется за избыток, нападающий ведет ее избытком, обороняющийся защищается избытком. Пока есть избыток — есть война. Когда избытка нет — война невозможна ни как сущность, ни как явление.

Это и есть завершенное доказательство гуманитарной теории войны в ее исходном пункте.

4.6. Избыток и процветание культурного субъекта

Из теоремы, доказанной в предыдущем разделе, следует, что избыток необходим и достаточен для войны как сущности. Теперь необходимо определить, чем является отнимаемое для того, у кого его отнимают.

В гуманитарной философии удовлетворение культурной потребности достаточно для бытия субъекта. Это не означает, что без него субъект перестает существовать. Это означает, что для бытия субъекта достаточно удовлетворения культурной потребности. Период, в который субъект удовлетворяет культурную потребность, называется процветанием.

Избыток, по определению, есть то, что может быть отнято без прекращения существования обладателя. Если нечто может быть отнято без прекращения существования, значит, оно не относится к необходимому для существования. Оно относится к тому, что достаточно для бытия, — к удовлетворению культурной потребности.

Следовательно, то, что для одного субъекта наблюдается как избыток, для другого есть причина его процветания. Это не лишнее и не ненужное. Это предмет или метод, через который субъект удовлетворяет культурную потребность и тем самым процветает. Именно поэтому обладатель препятствует его отнятию: он защищает не вещь, а свое процветание.

Для наблюдающего избыток — это то, что может быть отнято. Для обладателя — то, через что он процветает. Одно и то же отношение видится с двух сторон различно: для одного — как возможность присвоения, для другого — как условие культурного удовлетворения.

Отсюда с необходимостью следует: война ведется не против жизни другого. Она ведется против его культурной жизни. Предмет войны — не существование противника, а его процветание. Отнять избыток — значит лишить противника не жизни, а способа удовлетворять культурную потребность. Противник продолжит существовать, но перестанет процветать.

Это и доказывает, что война направлена не против существования как такового, а против культурного существования — против того, что делает существование субъекта его собственным, полным, процветающим.

4.7. Предшественники: приближения к избытку как причине войны

Прежде чем перейти к разворачиванию следствий из доказанной теоремы, необходимо проверить, не была ли эта идея уже высказана в истории мысли. Теория, претендующая на строгость, обязана установить отношение к предшественникам — иначе она рискует приписать себе то, что было известно задолго до нее.

Проверка показывает: идея связи войны с избытком в тех или иных формах высказывалась неоднократно. Но ни один из мыслителей, приближавшихся к ней, не довел ее до строгого определения избытка и до доказательства его необходимости и достаточности.

Наиболее близко к понятию избытка подошел Гордон Чайлд в своей концепции неолитической революции. Он показал, что переход к производящему хозяйству создал прибавочный продукт — зерно, которое превышало непосредственные потребности производителей. Именно этот прибавочный продукт, по Чайлду, сделал возможным содержание ремесленников, жрецов, вождей и воинов, то есть групп, не занятых производством пищи [66]. Война в этой логике становится возможной только тогда, когда общество способно прокормить тех, кто воюет, — а это и есть первый шаг к пониманию избытка как условия войны. Однако Чайлд рассматривал прибавочный продукт как объективную величину, как количество зерна, а не как социальное отношение, в котором нечто может быть отнято.

Владимир Ленин в работе об империализме описал механизм, в котором избыточный капитал, не находящий прибыльного приложения внутри страны, вывозится за рубеж и становится причиной борьбы за передел мира [67]. Здесь избыток выступает в форме избыточного капитала. Ленин был близок к пониманию того, что война ведется за нечто, не являющееся необходимым для существования воюющих, — за сферы приложения капитала, за рынки, за концессии. Но его анализ ограничен рамками классовой теории и монополистической стадии капитализма.

Жорж Батай в своей концепции траты подошел к проблеме с другой стороны. Он утверждал, что любое общество производит излишек энергии и ресурсов, который должен быть истрачен — через праздник, жертвоприношение или войну [68]. Война у Батая есть одна из форм траты избытка. Это очень близко к нашему тезису, однако Батай говорил об избытке как об энергии, а не как о предмете отношения, и не строил логического доказательства связи избытка и войны.

Карл Хаусхофер и геополитическая традиция описывали войну как борьбу за жизненное пространство — территорию, которая не нужна для текущего существования, но считается необходимой для развития народа [69]. Жизненное пространство есть по сути избыток, который один субъект стремится отнять у другого. Но геополитика не различала строго необходимое для существования и отнимаемое без прекращения бытия, сводя всё к географической экспансии.

Отдельно следует указать на мыслителей, которые рассматривали войну как культурный феномен и как атаку на культурное бытие противника, хотя и не использовали понятие избытка.

Йохан Хёйзинга в работе «Homo Ludens» показал, что война в архаических обществах была вписана в систему игры, ритуала и агона — культурного состязания, в котором стороны боролись за честь, славу и признание, а не за уничтожение друг друга [70]. Война у Хёйзинги есть форма культурной деятельности, подчиненная правилам и имеющая смысл, выходящий за пределы простого насилия. Это согласуется с нашим выводом о том, что предметом войны является не жизнь противника, а его культурное бытие.

Раймон Арон в работе «Мир и война между народами» подчеркивал, что война есть столкновение воль, направленных на утверждение определенного способа существования, а не просто борьба за материальные объекты [71]. Он настаивал на том, что политические единицы воюют за признание, за статус, за право определять форму своей жизни. Это также близко к пониманию войны как атаки на культурное процветание.

Марсель Мосс в «Очерке о даре» показал, что в архаических обществах обмен дарами был способом установления отношений господства и подчинения, а отказ от дара или неспособность ответить равноценным даром влекли за собой конфликт вплоть до войны [72]. В этой логике война возникает из нарушения равновесия в отношениях, связанных с избытком — с

тем, что может быть отдано без ущерба для существования, но с ущербом для культурного статуса.

Наконец, Карл Шмитт в работе «Понятие политического» определил политическое через различение друга и врага, а войну — как крайнюю форму этого различения [73]. Враг у Шмитта есть тот, кто ставит под вопрос сам способ существования коллективного субъекта. Война, таким образом, направлена не против жизни отдельных людей, а против культурного и политического бытия противника как целого. Шмитт не говорил об избытке, но его понимание врага как угрозы способу существования совпадает с нашим выводом о том, что война атакует процветание, а не существование.

Таким образом, предшественники есть. Они приближались к идее избытка и к пониманию культурной природы войны. Но никто из них не дал строгого определения избытка как того, что может быть отнято без прекращения бытия обладателя, и никто не доказал, что такого избытка необходимо и достаточно для войны как сущности. Настоящая работа опирается на их прозрения, но впервые выводит из них логически полную теорию.

Глава 5. Избыток как предмет и средство войны

5.1. Триединство избытка: причина, предмет, средство

Доказанные в предыдущей главе теоремы устанавливают, что избыток необходим и достаточен для войны как сущности, а также что избыток нападающего и избыток обороняющегося определяют возможность войны как явления. Из этих теорем следует, что избыток не есть лишь одна из сторон войны. Избыток есть сама война в ее основании. Он выступает одновременно в трех функциях: как причина, как предмет и как средство.

Избыток есть причина войны, поскольку без избытка война невозможна: если у жертвы нет того, что может быть отнято без прекращения ее бытия, то война превращается в истребление и перестает быть войной. Избыток есть предмет войны, поскольку именно на него направлено действие: отнять то, что может быть отнято, и тем самым лишить противника его культурного процветания. Избыток есть средство войны, поскольку и нападение, и оборона требуют затраты того, что может быть отделено от существования воюющего без его гибели. Без избытка нападающий самоуничтожается, без избытка обороняющийся не имеет возможности сопротивляться.

Для проверки этого положения рассмотрим различные комбинации наличия и отсутствия избытка у нападающего и жертвы. Таких комбинаций четыре.

Первая: избыток есть у жертвы, избыток есть у нападающего. Это классическая война. Жертва обладает тем, что может быть отнято без ее гибели. Нападающий обладает средствами, которые может затратить без самоуничтожения. Война возможна и как сущность, и как явление. Именно так описывается большинство войн: государство, обладающее богатством, подвергается нападению государства, имеющего армию и ресурсы для нападения.

Вторая: избыток есть у жертвы, избытка нет у нападающего. Война невозможна как явление. Нападающему нечего затратить, кроме необходимого для существования. Любая попытка нападения превращается в самоуничтожение. Такая ситуация описывает, например, восстания отчаявшихся, которые обречены: у них нет средств, и их нападение есть бунт, а не война. Исторически это голодные бунты, набеги обреченных, акты отчаяния, не перерастающие в полноценную войну.

Третья: избытка нет у жертвы, избыток есть у нападающего. Война как сущность невозможна, потому что у жертвы нечего отнять без ее уничтожения. Нападающему нет смысла воевать: результат войны не даст приобретения. Если нападение все же происходит, оно превращается в истребление или в бессмысленное насилие. Реально это войны на уничтожение, геноцид, карательные экспедиции против тех, у кого нечего взять. Это не войны в собственном смысле, а акты истребления.

Четвертая: избытка нет ни у жертвы, ни у нападающего. Война невозможна полностью. Нет ни предмета, ни средств. Это состояние тотального достатка без избытка, описанное ранее. Здесь война не существует ни как сущность, ни как явление. Столкновения, если они происходят, суть схватки за выживание, а не войны.

Таким образом, наличие и отсутствие избытка у сторон идеально описывает реальные ситуации.

Из этого следует важный вывод для всей теории: война есть явление, возможное только между субъектами, обладающими избытком. Война не есть столкновение нужды. Напротив, война есть столкновение достатков. Воюют не те, кому нечего терять. Воюют те, кому есть что терять и есть чем защищать. Нужда порождает бунт, отчаяние, бегство, но не войну.

5.2. Буханка хлеба как универсальная модель

Триединство избытка можно показать на самой простой модели, которая не требует обращения к сложным историческим или социальным конструкциям. Достаточно рассмотреть ситуацию, в которой участвуют два субъекта и одна буханка хлеба.

Пусть двое сыты. Каждый из них уже удовлетворил свою естественную потребность в пище. На столе остается одна буханка хлеба. Она не является необходимой для существования ни одного из них. Каждый может прожить без нее. Следовательно, эта буханка есть то, что может быть отнято без прекращения бытия любого из двоих. Это избыток.

Ситуация меняется в тот момент, когда один из двоих заявляет о своих притязаниях на буханку. Второй не соглашается. Возникает препятствие: один удерживает буханку, другой встречает это удержание. Между ними возникает отношение по поводу избытка. Это отношение и есть война как сущность. Никакого насилия еще не произошло. Но война уже есть, потому что один наблюдает у другого избыток и встречает препятствие.

Далее происходит то, что превращает войну как сущность в войну как явление. Один из двоих хватается буханку и бьет ею другого. Буханка, которая была предметом спора, становится средством удара. Избыток, из-за которого возникло отношение, становится средством, которым это отношение разрешается.

В этом предельно простом случае видны все три функции избытка.

Причина: буханка есть то, из-за чего возникло отношение. Не будь буханки, не было бы и спора. Сытые люди, у которых нет ничего сверх необходимого, не вступают в отношение по поводу отнимаемого.

Предмет: буханка есть то, на что направлено действие. Каждый стремится присвоить именно ее. Целью не является уничтожение другого. Целью является буханка. Другой интересен лишь постольку, поскольку препятствует ее присвоению.

Средство: буханка есть то, чем ведется действие. Удар буханкой есть применение избытка как средства. При этом важно: бьющий не рискует своим существованием. Он может позволить себе потратить буханку на удар, потому что он сыт и буханка не необходима ему для жизни. Избыток оказывается средством именно потому, что он отделен от существования.

Эта модель не является упрощением войны. Она есть война в ее чистом виде, без исторических наслоений. Армия, вооружение, стратегия, тыл, снабжение — всё это лишь развернутые формы той же самой буханки. Армия есть организованная сила, направленная на то, чтобы отнять избыток. Вооружение есть средство, отделимое от существования воюющего и затрачиваемое на войну. Тыл есть накопленный избыток, позволяющий вести войну без самоуничтожения. Снабжение есть доставка избытка к месту его применения.

Поэтому буханка хлеба есть универсальная модель войны. Всё, что может быть сказано о войне, может быть сказано о двух сытых людях и одной буханке. И наоборот: всё, что видно в этой простой сцене, разворачивается в любых войнах — от племенных стычек до мировых конфликтов. Изменяются масштабы, но не структура. Структура всегда одна: избыток как причина, избыток как предмет, избыток как средство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.